

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ОДИНОЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Алекс Орлов

Одиночный выстрел

«Автор»

2009

Орлов А.

Одиночный выстрел / А. Орлов — «Автор», 2009

Где-то на слабо развитой планете, в далеком феодальном мире влачит жалкое существование невольник по прозвищу Молчун. Он не говорит, не слышит и ценен только тем, что может исправно вращать ворот водочерпалки в условиях, где не выдерживают другие невольники и тягловый скот. Но неожиданно случилось незначительное событие, заставившее Молчуна «проснуться», спасти своих хозяев и вновь стать на просторах Вселенной тем, кем он был когда-то...

© Орлов А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
6	14
7	17
8	19
9	20
10	22
11	24
12	26
13	27
14	29
15	31
16	33
17	35
18	40
19	42
20	44
21	46
22	49
23	51
24	53
25	55
26	57
27	59
28	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алекс Орлов

Одиночный выстрел

1

По старой дороге на Денкер брели беженцы, уходившие когда-то от войны прелатов Гудрофа и Илкнера. Теперь война закончилась, и крестьяне возвращались со своим нехитрым скарбом, кто пешком, катя тележку, а кто верхом на тихходных дромах, увешанных узлами с пожитками.

Рулоф стоял, облокотившись на каменный забор, и смотрел на возвращавшихся крепостных прелата Гудрофа. Что забыли они в этом краю? Неволю и клочок заболоченной земли, с которой господин взимал половину урожая? Почему не остались в диких землях среди прибрежных кочевников и как поступил бы на их месте он сам?

Так получилось, что отец Рулофа со своим братом построили на земле прелата водочерпалку, поскольку серная вода была нужна в его большом хозяйстве. После смерти отца смотрителем водочерпалки прелат назначил Рулофа, и вот уже тридцать лет он исправно поставлял серную воду в замок Гудроф, латая ковши, чиня зубчатые колеса и раз в неделю смазывая их жиром.

А еще нужно было следить за невольниками. До появления Молчуна они сменялись примерно раз в полгода, на большее никого не хватало. От едких испарений серной воды люди начинали харкать кровью и умирали, но ослы держались еще меньше, а дromы для работы на водочерпалке были слишком медлительны.

Так бы и маялся Рулоф и каждые полгода выпрашивал у прелата нового раба, но тут появился невесть откуда взявшийся новый невольник прелата, прозванный Молчуном. Рослый, светловолосый и сероглазый, среди здешних людей он заметно выделялся, однако увидеть его посторонним было непросто. Молчун работал за высоким забором, не говорил ни слова и питался тем, что давал ему Рулоф, а если тот забывал дать еды, невольник об этом даже не напоминал.

Ходил он в юбке, скроенной Рулофом из мешка, чтобы раб своим непотребным видом не смущал посещавшую водочерпалку дочь прелата Гудрофа – интрессу Амалию. Она часто приезжала на своей подрессоренной карете в сопровождении дюжины телохранителей и рисовала у водопада по белому шелку. Об этом таланте интрессы в округе знали все – и крепостные, и благородные господа.

Дождавшись, когда мимо проедет последняя повозка, Рулоф сладко почесался и вернулся на ярус, возвышавшийся над двориком футов на десять. Именно эта высота и постоянный ветерок со стороны водопада спасали надсмотрщика от ядовитых испарений сернистой воды, гулявших по круглому, вымощенному камнем дворику.

В том месте, где рабы упирались голыми пятками в мостовую двора, круг за кругом сокращая свою невольничью жизнь, камень потемнел и сделался блестящим, в других же местах он все еще был как новый, сохранив следы каменотесных инструментов.

В углу дворика находился сколоченный из досок большой ящик, служивший Молчуну жилищем. Этот несчастный ходил под себя, не понимая, что делать такое негоже, и помимо едкого запаха серной воды из дворика разило так, что проходившие к водопаду путники старались обойти водочерпалку по дальней тропинке.

Рулофу самому приходилось вычищать ящик косматого Молчуна и посыпать полынью от блох, а еще окатывать работника водой из кадки, когда вонь становилась совершенно непереносимой даже для самого смотрителя. Но, несмотря на свою неухоженность, длинные, отрос-

шие за три года космы и совершенно пустой, бессмысленный взгляд, Молчун оказался необыкновенно выносливым, и Рулоф готов был сам убирать за ним, лишь бы тот не подцепил какой-нибудь заразы.

Вот и сейчас, налегая на ворот так, что вздувались мышцы, Молчун продолжал вращать колесо, добросовестно снабжая господина едкой серной водой. Вода шумела в ковшах, бежала по лоткам в оловянную трубу, проходила через гору и выбиралась на виадук длиной в четыре мили, тянувшийся до самого замка Гудроф.

Прежде невольников приковывали цепью к вороту, для этого на нем имелось большое железное кольцо, но Молчуна Рулоф не приковывал с тех пор, как убедился, что ни о какой свободе тот не помышляет. Неизвестно, думал ли он вообще о чем-нибудь, и поначалу, подталкиваемый любопытством, Рулоф пытался расспрашивать раба, выясняя, кто он и как попал к прелату, но ни на какие слова и даже звуки новичок не реагировал, сам ничего не говорил, за что и получил свое прозвище.

Несколько минут Рулоф наблюдал за Молчуном с яруса и прислушивался к скрипу ворота. Деревянная ось колеса со временем истиралась и, сколько ни подбивай под нее клиньев, нуждалась в замене.

Где-то неподалеку зазвенел колокольчик, Рулоф распрямился, прислушиваясь, уж не показалось ли? Но нет, он узнал колокольчик кареты интрессы Амалии.

Боясь опоздать, Рулоф стал торопливо подниматься по лестнице, чтобы вовремя выбежать за ограду и поприветствовать интрессу. Она хорошо к нему относилась и, случалось, одаривала парой серебряных монет, особенно если они виделись в праздники.

Еще будучи ребенком, Амалия приходила на водочерпалку, чтобы рисовать работавших за воротом рабов, но после появления Молчуна, по понятным причинам, находиться поблизости от него она не могла – такой запах мог вынести только Рулоф.

2

В свои семнадцать лет интресса Амалия была состоявшейся красавицей, впрочем, это никого не удивляло, ведь и ее мать, и прелат Гудроф также были людьми незаурядной внешности и осанки. Вот только характер Амалия имела совсем не девичий. Слуги боялись ее за строгость, а телохранители, напротив, обожали.

Когда Рулоф выбежал на дорогу, возница уже разложил ступеньки кареты и интресса Амалия ступила на дорогу расшитым золотом сапожком.

– Какая радость, ваша светлость! – воскликнул смотритель и, сдернув шапку, быстро поклонился.

– Здравствуй, Рулоф. Как ты поживаешь? – спросила Амалия, расправляя складки на зеленом, расшитом золотом плаще.

– Все так же, ваша светлость, хорошо и сытно, – ответил Рулоф, не переставая кланяться.

– Вот тебе два хенума, возьми...

На заскорузлую ладонь смотрителя упали две серебряные монеты.

Капризный жеребец одного из охранников вдруг заржал и затряс головой. Всадник резко осадил его шпорами, виновато косясь в сторону хозяйки, но она сделала вид, что не заметила этой оплошности.

Двое пеших охранников стояли за спиной интрессы, ожидая приказа бежать к водопаду, чтобы разведать, все ли там безопасно. Лишь после этого ее сиятельство могла отправиться туда пешком.

Еще один слуга – мальчик лет десяти – держал ящик с шелковыми рамами, углем и чернилами. Его пожилой коллега ведал перьями для прописи, кистями и канифолью, двое других слуг переносили раскладные стул и стол, а также треножник, куда ставились рамы с шелком.

– Сегодня не слишком хорошая погода...

– Да, ваше сиятельство, осень почти, – согласился Рулоф.

– Вот мне и взгрустнулось. – Амалия вздохнула. – И я решила порисовать у водопада.

– Порадуйте нас, ваше сиятельство, своим великим дарованием. Будем счастливы!

Амалия улыбнулась. Когда в ней только начал проявляться этот талант, именно Рулоф стал первым ценителем ее рисунков, родители же относились к ее занятиям как к баловству. Ну зачем девочке ее положения кистью возить, как какому-нибудь затейщику из балагана? Да, иногда они выбивались в люди и расписывали дворцы самых знатных господ, но какой смысл в этом занятии для девушки из рода Гудрофов?

Рулоф же с полной серьезностью обсуждал с юной Амалией ее первые рисунки, и она этого не забыла.

– Я хочу взглянуть на этого уродца, который крутит твою черпалку, – внезапно заявила Амалия.

– Но, ваша светлость, он смердит! Крутит хорошо, работает без передышек, но пахнет так, что за милую обходить нужно!

– Ничего, мой брат днями сидит в волоке с лошадьми и дромами, хочет вывести тяжелого скакуна. А дromы воняют ничуть не меньше твоего уродца, и одежда моего братца тоже... Так что давай заглянем, я давно не видела твой дворик.

– Как будет угодно вашей светлости, – ответил смотритель, не ожидая от визита интрессы ничего хорошего. Она была скоро на выводы и резкие суждения.

Сметая шапкой с тропы даже самые незаметные камешки, Рулоф семенил впереди Амалии, а она шагала, высоко поднимая голову, как и подобало девушке, чьи предки правили когда-то всем Ансольтским краем.

Двое пеших телохранителей двигались следом, держась в пяти шагах позади госпожи. Подходить ближе им запрещалось, это мешало ее светлости обдумывать сюжеты для новых картин.

– Видел ваших крестьян, ваша светлость, хвала океанам, они возвращаются назад.

– Возвращаются, да не все. Лазутчики доложили, что несколько сотен остались среди поморников. Отец уже думает послать отряд, чтобы вернуть их да высечь, чтобы впредь неповадно было.

Перед небольшой канавой Амалия подобрала подол шерстяного платья и легко преодолела препятствие. Ее телохранители оказались не такими ловкими, один из них споткнулся.

Амалия обернулась и, выждав паузу, сказала весомо:

– Сегодня будешь бит. Я прослежу, чтобы тебе было больно.

– Воля ваша, госпожа, – произнесли оба телохранителя и низко поклонились.

3

Едва они оказались на смотрительском ярусе, Амалия прикрыла нос платочком, уже жалея, что решилась подвергнуться такому испытанию. Из круглого дворика несло так, что куда там дромам...

Рулоф опасливо на нее косился, видя, как сверкают в глазах интрессы колющие искорки.

– Он что же, совсем не говорит? – спросила Амалия, немного гундося.

– Не говорит, ваша светлость. И не мычит даже. Но если чего покажешь – тотчас выполняет.

– Несчастное существо. Он давно потерял человеческий облик, и самым правильным будет убить его из сострадания.

– Да как же убивать, ваше сиятельство, ведь он работает исправно! – не сдержался Рулоф, ужаснувшись одной этой мысли.

– Но ведь до него у тебя другие работали?

– Работали, ваше сиятельство, но больше полугода никто не выдерживал...

– А этот как же? – Амалия ухмыльнулась, глядя на грязное, заросшее волосами существо. – Он что же, двужильный?

– Он не двужильный, он троежильный, ваша светлость, – подсказал Рулоф, надеясь, что этим заступится за своего работника. Однако мысль убить неказистого раба засела в голове интрессы прочно.

– Сегодня же скажу отцу, чтобы его убили. А тебе пришлют двух других рабов, будешь менять их хотя дважды в неделю, и я прослежу, чтобы тебя никто не обижал.

– Как прикажете, ваша светлость, – деревянным голосом произнес Рулоф и поклонился. В его глазах стояли слезы.

Не в силах больше терпеть этот запах, Амалия развернулась и пошла прочь, а смотритель опустил на мостовую яруса и тяжело вздохнул.

За последние три года он привязался к Молчуну, и тот для него значил никак не меньше хорошей собаки. А тут – убить и никаких разговоров. Разве это правильно?

Шаги интрессы и ее телохранителей давно затихли, а он все сидел и сидел, не понимая, как вместо Молчуна за ворот встанет другой невольник, со злобным взглядом, заранее винящий Рулофа в своей несчастной доле. Ведь именно он для рабов являлся воплощением неволи, а прелата Гудрофа подчас они даже не видели.

Рулоф уже забыл, что такое перемигать замки в кандалах и оставаться настороже, не поворачиваясь к невольнику спиной, ведь, удавив его цепью, раб мог попытаться счастья и бежать.

Не успел надсмотрщик свыкнуться с одной горькой мыслью, как ему послышалось приближение новой беды. Это были двое мальчишек: двенадцатилетний племянник прелата Гудрофа Марк и его «оруженосец» – сын прелатского садовника.

Марк был своенравным мальчишкой, пятым сыном в собственной семье, а потому ненужным и отправленным к более знатному и богатому родственнику, чтобы когда-нибудь стать лейтенантом в его войске и отработать собственное содержание.

Иногда Марк наведывался к водочерпалке, чтобы совершить очередную гадость – помочиться с изгороди на ярус или забросать работника камнями. Пользуясь полной безнаказанностью, он и его помощники кричали Молчуну «вонючка!» и швыряли в него камни, покуда не надоест.

Вот и сейчас Рулоф не сомневался в намерениях Марка, тот неспешно спускался с горы, а его сподвижник нес корзину с собранными на склоне горы булыжниками.

– Вонючка, пришел твой последний час! – ломающимся голосом объявил Марк, выбирая из корзины камень поздоровее.

– Сговорились они сегодня, что ли... – пробормотал Рулоф, вставая под защиту стены яруса. Разойдясь, Марк бросал камни не только в раба, но и в смотрителя.

– Снять стопор, заряд в цель! – скомандовал Марк и вместе с помощником принялся швырять камни в ходящего по кругу Молчуна.

Булыжники запрыгали по мощеному двору, высекая искры, но работника пока миновали.

– Ваша светлость, вы испортите собственность господина прелата! – подал голос Рулоф.

– А-а, ты еще здесь, старый пес? Сейчас прибью твоего вонючку, а потом возьмусь за тебя! – пригрозил Марк, и несколько камней упало на ярус.

Рулоф сел на пол и, обхватив голову руками, стал ждать, когда господскому племяннику наскучит это занятие и он уберется.

Один из камней угодил Молчуну в спину, но он и не подумал бежать, только втянул голову в плечи.

Этот меткий бросок вызвал у хулиганов бурю эмоций, они стали бросать чаще, и несколько камней угодили в ворот, потом один проломил доски жилого ящика Молчуна, и снова это вызвало мальчишеский восторг.

На какое-то время подростки прекратили свое занятие, и Рулоф подумал, что на этом безобразия закончатся, но неожиданно в воздух взвился особенно большой булыжник и, описав дугу, ударил Молчуна в лоб.

Звук удара был таким громким, что Рулоф невольно вскрикнул и вскочил на ноги, а подростки засмеялись и побежали прочь.

– Ну все... – упавшим голосом произнес смотритель, глядя на распластавшегося на мостовой Молчуна. Такого удара не мог перенести никто, будь он хоть трехжильный.

– Вот и все, – повторил Рулоф и стал спускаться во двор.

Оставшееся без тяги колесо остановилось, вода перестала шуметь и литься в желоба. Впрочем, ничем серьезным это не грозило, поскольку в замке имелся трехдневный запас серной воды, а за это время можно было и ремонт провести, и поставить на ворот подходящего раба. Но где взять такого, как Молчун?

Уж если не ядовитые пары, так злоба глупых подростков доконала его.

Рулоф подошел к Молчуну ближе. Грязные космы разметались по каменному полу, и впервые за долгое время он увидел лицо невольника – прямой нос, обострившиеся скулы и высокий, рассеченный булыжником лоб.

Вот и не стало того, кто и так никем не был.

– Какие крепкие руки... Он мог бы служить мне десяток лет, если не больше, – шмыгнув носом, произнес Рулоф. – Но, видать, закатилась твоя звезда, парень, раз интресса и Марк этот вместе захотели твоей гибели.

Рулоф утер накатившуюся слезу.

– Ну зачем им знать, кто работает на водочерпалке?! Господское ли дело совать свой нос в эту зловонную яму?!

Рулоф покачал головой и был уже готов разрыдаться, когда вдруг заметил, что Молчун уже сидит на каменном полу и смотрит на Рулофа.

– Эй, да ты живой! – обрадовался смотритель и хотел дотронуться до спутанных волос раба, но тот отвел его руку в сторону и произнес:

– Ти... куте?

4

Услышав впервые за три года голос Молчуна, Рулоф сам едва не лишился дара речи.

– Эх-ма, великие реки, да ты никак заговорил! – воскликнул он, вскакивая на ноги.

Молчун тоже вскочил и стал осматриваться с таким видом, словно впервые видел этот двор.

– Пачиму так... пахнет? – спросил он, потом дотронулся до рассеченного лба и увидел на пальцах кровь.

Рулоф испугался, что пришедший в себя раб обвинит его в нанесении раны, и поспешил объяснить ее возникновение.

– Это мальчишки! Марк и дружок его, Бульмарт, они из замка прелата Гудрофа! – громко произнес он, как говорят для глуховатых людей. – Там – замок прелата Гудрофа, – добавил Рулоф и махнул рукой, показывая примерное направление, однако Молчуна больше интересовало другое.

– Пачиму пахнет? – снова спросил он.

– Дык гадишь под себя, вот и пахнет! Ходи на горшок, и пахнуть перестанет.

– Ти куту? – повторил Молчун свой первый вопрос, продолжая настороженно озираться.

– Я – Рулоф, смотритель здешний.

– Смотритель дешни... – по-своему повторил Молчун.

– Вот именно, – подтвердил Рулоф, опасаясь как-то обидеть невольника. Прежде он не представлял опасности и потому был не закован, но теперь его следовало бояться – с такой силой никто не сладит.

Рулоф достал из-за пазухи грязный платок и протянул Молчуну.

– Возьми, приложи ко лбу... Кровь остановишь.

Невольник взял платок, удивленно на него посмотрел, как будто не догадываясь о предназначении этой вещи, и вдруг спросил:

– Смотритель дешни... а кито я?

От такого вопроса Рулоф даже вспотел. Он снял овечью шапку и, разведя руками, признался:

– Я не знаю, кто ты, мил-человек. Тебя ко мне люди прелата Гудрофа доставили.

Молчун кивнул и, казалось, только сейчас заметил свисавшие почти до пояса длинные космы.

– Мине нада... – Он взял в руки свалывшую прядь. – Мине нада убарать...

– Постричься? – догадался Рулоф.

– Да, – кивнул невольник.

Между тем кровь из раны на его лбу перестала течь, но на этом месте появилась огромная шишка.

– Постой-постой, я сейчас все принесу! – засуетился Рулоф. – У меня и ножницы есть хорошие, правда, они овечьи, но тебе сгодятся.

Подхватив с мостовой оброненный Молчуном платок, он побежал к лестнице и стал быстро подниматься – сначала по ступенькам, потом по тропинке в гору, заскочил в свою хижину, схватил с полки ножницы, пару новых мешков и большую иголку с клубком ниток.

Вернувшись во дворик, смотритель помог невольнику состричь его колтуны, и на каменном полу образовалась целая копна спутанных прядей. Пока Рулоф его стриг, Молчун не переставал принюхиваться, ему не хотелось быть источником такого зловония, и сразу после стрижки он потребовал воды.

– Хорошо, я все тебе принесу, только ты отсюда никуда не уходи, – попросил Рулоф, собирая состриженные волосы.

– Да, – отчетливо ответил Молчун, и Рулоф ему поверил. Этот круглый двор с воротом посередине был единственным домом невольника, другого он не знал.

– Я взять... – сказал Молчун, указав на лежавшие в стороне пару мешков и клубок суровых ниток с воткнутой в них большой иглой.

– Это хомутовка – ею хомуты шьют. Я вернусь и сооружу тебе какие-нибудь штаны, понимаешь?

– Я могу, – уверенно заявил Молчун.

– Ну хорошо, попробуй, – нехотя согласился Рулоф, полагая, что Молчун испортит новые мешки.

«Ну и ладно, невелика потеря – пара мешков. Зато делом будет занят и не сбежит», – рассудил смотритель и поспешил за водой.

Пару ведер пресной воды он мог выделить из своего запаса. Ее приходилось возить в бочке от самого водопада, но для такого случая не жалко.

Пока Рулоф носил воду, рвал горькую полынь на склоне и собирал с зольного отвала щелок, Молчун сосредоточенно кромсал мешки овечьими ножницами. В результате, когда все уже было готово для промывки и уборки в зловонном ящике, у невольника в руках оказались жилетка и штаны, сшитые быстрыми стежками.

– Эй, да ты никак портной? – удивленно произнес Рулоф, вытирая с лица пот.

Молчун не ответил, но в глазах его смотритель приметил какую-то скрытую радость.

– Вот тебе вода и щелок в чашке. Иди к стоку и мойся, а потом займемся чисткой твоего ящика – вон сколько я полыни собрал!

– К стоку – мойся, – повторил Молчун, взял ведро, полынь, щелок и пошел к стоку, а его обновка осталась висеть на воротах.

Пока невольник мылся, Рулоф еще раз осмотрел сшитые за каких-то полтора часа обновки. Впрочем, ничего особенного – широкие стежки, где-то прихвачено внахлест, но ведь это сделал человек, три года бывший растением.

«Вот и думай, ругать Марка за эту подлость или благодарить?» – размышлял Рулоф.

– Спина! Нужно, чтобы спина! – позвал Молчун, и Рулоф понял, что тот просит потерять ему спину.

Смотритель пришел ему на помощь, скрутил большой пучок полыни и стал растирать широкую спину Молчуна, впервые заметив на нем несколько давнишних шрамов. Это не были следы от плети, которые часто оставались на телах непокорных рабов, скорее рубцы были оставлены ранениями.

Кто же его работник? Наверняка не портной, чтобы орудовать иглой, такие мышцы не нужны.

5

Помывшись и переодевшись в обновки, Молчун окончательно преобразился, и теперь, видя его лицо, скрываемое прежде длинными космами, Рулоф воспринимал работника как равного. А глядя на то, как умело Молчун разбирает на доски зловонный ящик, смотритель невольно проникался к нему уважением.

Пока Рулоф уносил старые и приносил свежие доски, Молчун оставшейся водой и пучками травы выскреб участок мостовой дочиста, так что теперь во двореке пахло лишь горькой полынью и от прежнего зловония не осталось и следа.

– Я строить тепиерь... новый, – сообщил невольник.

– Ну... – Рулоф положил очередную стопку досок и выпрямился. – Попробуй, парень, только гвоздей у меня нет, дорогое это удовольствие.

– Гвоздей... не хотеть...

– Хорошо, сейчас принесу ящик с инструментами. – Рулоф вытер со лба пот и засмеялся. – Загонял ты меня, парень!

Уже ближе к вечеру, когда пришло время ужинать, Рулоф решил устроить небольшой пир в новом домике Молчуна. Теперь это было настоящее жилище – просторное, пахнущее сосновой стружкой и собранное на одних шипах, без единого гвоздя.

Рулоф уже не знал, что и думать о своем работнике, ведь тот хорошо управлялся не только с хомутовкой, но и с лучковой пилой, коловоротом и молотком.

На небольшом столе, сбитом из обрезков досок, дымились кружки с заваренной мятой, рядом лежали кукурузные лепешки, засахаренные кусочки белой моркови и несколько полосок острой вяленой баранины.

Для Молчуна, которому полагалась лишь кукурузная лепешка да холодная вода, это должно было показаться настоящим пиром, однако ему не с чем было сравнить, ведь своего обычного рациона он совсем не помнил.

– Хороший сарайчик, светлый, высокий, – не переставая нахваливал Рулоф новое жилище работника.

– Мне нужно... этот трава, – сказал Молчун, указывая на источающую аромат кружку.

– Этого у нас хватает, на склоне под кустами ее полно...

– И камней... Белый мягкий...

– Мягкий белый камень? – переспросил смотритель. – Мел, что ли?

– Да-да, – закивал Молчун. – Нужен мел.

– Мел тоже имеется, завтра все тебе принесу, – пообещал смотритель и, прихлебывая ароматный отвар, мечтал о том, чтобы интресса Амалия забыла о своих жутких планах.

Разумеется, теперь, когда с Молчуном произошли большие перемены, его едва ли можно было назвать уродом и вонючкой, однако Рулоф хорошо знал нравы господ: сказав однажды глупость, они ни за что от нее не откажутся, чтобы не потерять лицо перед слугами.

Вся его надежда была лишь на молодость Амалии, на то, что за своими девичьими заботами она забудет об ужасном намерении.

– Откуда же ты родом, тоже не помнишь? – осторожно спросил Рулоф, когда они съели по лепешке.

– Нет. Но мне... трутно говорить на вашем языке.

– Дык я вижу, что трудно. Но хорошо хоть так.

– Я всигда это хадишь? – спросил Молчун указывая на ворот.

– Да, все три года. Это твоя основная работа, другую я делаю сам.

– Я... в неволе?

– Да, парень, так получилось, – со вздохом подтвердил Рулоф.

6

Напрасно Рулоф надеялся, что Амалия забудет о своем намерении убить раздражавшего ее раба. Наутро рядом с водочерпалкой послышалось ржание лошадей, а когда смотритель выглянул из-за каменной ограды, он увидел четырех всадников, накидывавших поводья на вкопанный столб.

Это были гвардейцы прелата Гудрофа – в одинаковых бордовых мундирах, в стальных шлемах и с гербами в виде белого грифона.

– Эй, где тут урод вонючий? – спросил один из них, поправляя ножны.

– Уже два часа, как работает... – упавшим голосом ответил Рулоф. Он понял – это конец.

– Да нам плевать, сколько он работает, – отозвался другой гвардеец и встал к забору, чтобы помочиться.

– Здесь убивать будете? – глухо спросил Рулоф.

– Зачем здесь? Сказано отвести к водопаду и там сбросить. А ты не рад, старик?

Гвардеец справил нужду и, приведя в порядок штаны, широко зевнул.

– Приведут тебе чистого работника, и не будет больше никакой неприятности, – сказал он.

– А может, он к дерьму этому принялся? – предположил высокий с крючковатым носом и сам засмеялся своей шутке, но остальные его не поддержали.

– Ладно, показывай, где твой работник, – сказал первый, самый широкий в плечах и самый старший.

– Чего показывать? Вон он, воротом скрипит... – сказал другой.

Пройдя через калитку, гвардейцы вышли на смотрительский ярус и, посматривая на вращавшего ворот работника, стали спускаться во дворик.

Чужих Молчун заметил сразу, но работу не прекратил, только бросил на Рулофа быстрый взгляд, но тот сразу отвел глаза.

– Чего-то он на уroda не больно похож, ладно скроен, – сказал старший.

– Такому коня хорошего и меч – будет добрый гвардеец для прелата, – заметил другой.

– Это не нашего ума дело, – возразил им высокий. – Сказали – в воду, значит, в воду. Эх, даже в нос шибает!

– Это от воды серной, – пояснил Рулоф. – Если долго ею дышать, для здоровья вредно будет.

– Ну, тогда мы по-быстрому.

Когда гвардейцы спустились во дворик, Молчун прекратил работу, отошел от ворота и стал смотреть на приближавшихся непрошенных гостей.

– Пойдем с нами, дружок, тут недалеко... – сказал старший, держа руку на рукояти меча.

Раб был высок и крепок, ожидать от такого можно было чего угодно.

– Я не пойду, – четко произнес невольник, отступая на шаг.

– Да он говорит, Гигрут! – поразился один из четверых.

– А нам говорили – немой, – удивился высокий. – Эй, старина, а у тебя нет другого раба?

– Нету, – сдавленно ответил Рулоф.

– Значит, этого резать надо.

– Пошто сразу резать? – вскинулся старший. – Тебе бы резать только!

– А как ты его возьмешь? Видишь же – сам он не пойдет!

– Ну так ты и режь...

Старший отступил назад, а высокий выхватил из ножен четырехфутовый меч и двинулся к Молчуну.

– До пояса разделаю! С одного удара! Спорим, Крич?

– Не разделаешь. С одного удара не получится, здоров он больно.

– Сколько ставишь против? – уточнил высокий, поудобнее ухватываясь за рукоять меча и наступая на невольника.

– Два полных серебряных маркеция!

– Ха, четырнадцать хенумов? Принимаю, Крич, теперь можно и постараться!

Рулоф отвернулся, а три гвардейца внимательно следили за происходящим, четырнадцать хенумов не шутка, это жалованье за месяц.

– Готовься к смерти, вонючка! – произнес высокий, видя, что отступить выбранной жертве уже некуда.

«Ыхх!» – выкрикнул он и ударил что было сил, однако неподвижный невольник вдруг сместился в сторону и ударом ладони изменил направление клинка.

Сталь врезалась в мощный пол, брызнули искры, и в следующее мгновение меч оказался в руках раба, а гвардеец получил тычок в грудь и отлетел ярда на четыре.

– Вот и распрощался ты со своим серебром, Бакрут! – обрадовался выигравший пари гвардеец.

– Ладно орать, что делать будем? – забеспокоился старший, доставая меч.

– Рубите его, чего тут думать?! – закричал принявший бесчестье Бакрут.

Старший сделал полшага вперед, затем провел пробный выпад, но невольник легко отбил удар.

– Это не тот вонючка, старик, ты обманываешь нас?

– Ничего не обманываю! – радостно закричал Рулоф. – Парень вчера будто переменялся, заговорил, постригся и одежду сварганил! Так что теперь это другой раб, и он вам сейчас бошки-то пооткручивает!

– Я за арбалетом... – сказал Бакрут, и в этот момент Молчун рванулся вперед, отразил пару направленных на него выпадов и перекрыл выход на лестницу.

– Та-а-ак, – протянул старший, выбирая новую позицию. – Крич, Бакрут, Лихарь, работаем две пары. Крич, со мной. А ты, Бакрут, бейся кинжалом. Начали.

Двое гвардейцев одновременно атаковали Молчуна, растягивая его защиту на два фронта, но тот справлялся, отбивая удары то мечом, то снова ладонью, звонко щелкая по плоским сторонам клинков и ухитряясь не пораниться.

Гигрут и Крич выкладывались в полную силу, чередуя удары мечами и быстрыми кинжалами, однако это не принесло результатов и в дело вступила свежая пара, сразу взвинтив темп. Однако теперь невольник стал защищаться иначе, он подсек ногой Лихаря, и тот рухнул на каменный пол. В следующее мгновение жало трофейного меча коснулось горла упавшего, однако добивать его невольник не стал и, посмотрев на замерших гвардейцев, отошел.

– Это колдовство! – закричал Бакрут.

– Какое колдовство? – возразил старший. – Я же понимаю, что он делает, только повторить не смогу...

– И что теперь? – спросил Лихарь, поднимаясь.

– Едем к прелату, пусть он решает, что делать с этим... невольником, – принял решение Гигрут и убрал меч в ножны. – Мы уходим, невольник, вернешь Бакруту оружие?

Молчун помедлил мгновение, а затем бросил владельцу его меч.

Бакрут поймал его и, покачав головой, сказал:

– Вот каналья, кучу серебра из-за тебя продул...

Когда посрамленные гвардейцы вернулись к лошадям, у Гигрута мелькнула мысль вернуться с арбалетами и покончить со строптивым рабом, однако он сам попросил невольника вернуть меч Бакрута, а значит, дал слово. Еще одного бесчестия для себя Гигрут допустить не мог, да и не верил он, что сведущий в драке невольник даст просто так подстрелить себя.

«Нет, к прелату, немедленно к прелату. Пусть его светлость сам решает, как быть дальше».

7

Прелат Легвос Гудроф в хорошем расположении духа вышел из псарни, где любовался новым приплодом породистой суки, купленной два года назад. Щенки обещали стать звездами одного из будущих охотничьих сезонов, а стало быть, прелат мог их выгодно продать или преподнести в качестве подарка особо влиятельным чиновникам имперских департаментов.

Подобные подарки очень ценились, поскольку щенки этой породы уже с рождения имели зубы, а по достижении двухгодичного возраста в одиночку справлялись с вепрем.

«А еще подарю по щенку прелатам Корвелю и Дакстеру – их советы помогли в войне с Илкнером...»

Война закончилась замирением, и император лично выступил посредником, чтобы прекратить разорение крупнейшего края империи. Для Гудрофа это оказалось весьма кстати, он успел продемонстрировать Илкнеру свою решимость и силу своей армии. Пока тот жег деревни противника, армия Гудрофа уничтожала ирригационные сооружения в приграничной провинции Илкнера, и этот ущерб куда значительнее.

Теперь крестьяне из разоренных деревень вернулись, и Гудроф приказал выдавать им по десять серебряных хенумов на восстановление хозяйства, рассчитывая, что через год-полтора они снова будут в порядке, а вот Илкнеры свою ирригацию будут восстанавливать не менее десяти лет, и все это время кукурузу и злаки им придется возить из земель Гудрофа.

Вот она, цена войны для обоих противников. Вряд ли в ближайшие пять лет Илкнер решится объявить соседу новую войну, а за это время его старший сын Сборстьен достигнет зрелости и, возможно, попытается испробовать на прочность армии соседей.

Прелат поднял голову и посмотрел на редкие облака. Сегодняшний день обещал быть погожим, а значит, еще один плюс для сбора урожая. Гудроф принадлежал к тем прелатам, которые не полагались на своих управляющих полностью и лично занимались делами края, выручая благодаря этому в разы больший доход. Вот и теперь прелат отслеживал каждый день сбора урожая, прикидывая возможные денежные поступления и цены на местных рынках.

Картофель и сахарная морковь были уже убраны, но злаки запоздали с созреванием – лето выдалось прохладным, однако оставалась надежда, что и их уберут без потерь, хотя месяц дождей был на подходе.

Гудроф топнул ногой, проверяя качество мостовой нового замка, однако все было сделано на совесть, ни один камень не пошевелился.

Прелат не жалел денег на мастеровых, прибывавших к нему на заработки из самых дальних земель. Стену из камней они вязали так искусно, что ее потом не брало гранитное ядро, а вот малый замок Илкнера, который удалось разрушить солдатам Гудрофа, был слеплен за дешево, на скорую руку каменщиками из разорившихся крестьян.

– Кубилон!

– Я здесь, ваша светлость! – поклонился секретарь, повсюду следовавший за прелатом и готовый записывать указания своего господина.

– Запиши – заменить водосток на третьей башне, вода попадает на стену и точит раствор...

Кубилон торопливо заскрипел грифелем, записывая, для скорости, на деревянной дощечке. Позже все свои записи он переносил на бумагу пером и чернилами, проставлял даты и убирал в архив.

– Записал? – уточнил прелат, поправляя складки на простом мундире.

– Так точно, ваша светлость.

– Тогда запиши еще: вызвать из города сапожника, да не того, что в прошлом году приезжал, а другого – из Рулля. Записал?

– Уже... почти... Уф, записал!

– Так оно дешевле обойдется, если прямо сюда вызвать, – вслух продолжал размышлять прелат. – И запиши, чтобы все несли чинить свои башмаки, а то потом ноги натирают и работать не хотят.

– Так точно, ваша светлость...

– Сколько в прошлом году пар башмаков починили?

– Восемь сотен пар, ваша светлость.

– Значит, сэкономили сотен пять людей для работы. А то придумали моду, чуть что, в поле не выходить. Записал?

– Так точно, ваша светлость.

– Ну и ладненько.

Прелат еще раз осмотрелся. Строители доделывали стены, достилали мостовую и белили флигель. Все основные работы были уже закончены, но доделки могли тянуться не один год, прелат Гудроф хорошо это знал.

Продолжая обдумывать свои дела, он вышел через ворота по новому мосту и, заглянув в недавно обложенный камнем ров, остался доволен. Вода в нем стояла чистая и совсем не пахла. Оно конечно, грязная вода для противника куда неприятнее, зато при чистых рвах люди в замке болеть реже будут, а если запустить рыбу, так еще и дополнительный доход снимать можно.

За рвом прелата дожидались его телохранители, двадцать отборных гвардейцев на гнедых лошадях, но неподалеку, верхом на вороных, ожидали четверо гвардейцев из другой роты.

Заметив прелата, сержант Гигрут соскочил на землю и поспешил навстречу господину.

– Ваша светлость, низжайше прошу прощения! Не справились мы!

– Постой-постой, с чем не справились? – на ходу спросил прелат. Он не сразу смог вспомнить, куда посылал сержанта.

– Не смогли мы урода угробить, ваша светлость!

– Ах, вон оно что! – Гудроф вспомнил, что Амалия просила его столкнуть зловонного раба в водопад. – Как же так получилось?

– Он воспротивился, ваша светлость!

– Да как же могла воспротивиться эта бессловесная скотина? Он ведь даже говорить не может и ходит под себя.

– Непохоже на то, ваша светлость! Смотритель ваш сказал, что он изменился. Да мы и сами видели – чисто одет, лицо выбрито и на всей черпалке ничем, кроме серной воды, не пахнет.

– Да ты сказки какие-то рассказываешь, – обронил прелат, садясь в седло. – Он же немой просто!

– Никак нет, ваша светлость, теперь говорит. Не пойду с вами, сказал, а как зарубить его пытались – меч отнял и бой принял! Мы его никак захватить не могли, ваша светлость, такой боец, что и в гвардию не жалко!

Прелат с удивлением посмотрел на раскрасневшегося сержанта, которого знал как хорошего солдата и человека рассудительного.

– Заговорил, говоришь?

– Собственными ушами слышал, ваша светлость!

– Так-так. – Прелат задумался, быстро меняя свои планы. По деревням он мог проехаться и позже, пока день длинный, многое успеть можно, а теперь хорошо бы на черпалку съездить и убедиться, что все сказанное сержантом правда. Если этот невольник действительно заговорил, от него можно ждать важных новостей.

– Ладно, Гигрут, давай в казармы, а я до черпалки прогуляюсь. Тут на лошадях – полчаса лету.

8

Проводив взглядом всадников до поворота, Рулоф вернулся на водочерпалку и увидел, что Молчун, как ни в чем не бывало, снова вращает ворот.

«Хороший человек, – подумал смотритель. – И строить, и рубить мастак, с таким я не пропаду. Нужно только к прелату поехать и в ноги упасть, попросить оставить Молчуна в покое. Он же переменился, он теперь совсем другой!»

Не останавливаясь, Рулоф поднялся по лестнице к своему жилищу и вывел из небольшого хлева разъездного осла – Лумбария.

Предчувствуя разминку, Лумбарий заплясал на месте, пытаясь вырвать повод, но Рулоф ударил его по спине, и осел успокоился, позволив проводить себя на ярус.

– Я поеду к прелату и паду ему в ноги! – сообщил Рулоф Молчуну, но тот только кивнул.

– Ты не думай, просто так я тебя в обиду не дам – такой хороший работник! Я мигом обернусь!

Рулоф потянул за повод, таща осла к калитке, но тот заупрямился. Неожиданно Молчун остановился, шум воды в колесе прекратился.

– Скажи, зачем крутить я, а не он? – спросил невольник и указал на осла.

– Дык вода парит ядовито, осел и двух месяцев не протянет – издохнет.

Едва Рулоф произнес эти слова, Лумбарий взревел и повалился на бок.

– Вставай, сволочь, брось притворяться! – начал браниться Рулоф, дергая за повод, но осел довольно правдиво имитировал обморок и не подавал признаков жизни.

Между тем Молчун оставил ворот, взобрался на ярус, а затем и на забор, поспешил палец и поднял над головой.

– Ветер всегда там? – спросил он, указывая на север.

– Иногда с севера, а иногда с северо-востока, – ответил Рулоф, не понимая, к чему клонит работник.

– Я делаю чистый воздух.

– Чистый... – поправил Рулоф.

– Да.

Невольник спустился во двор, снова впрягся в ворот стал накачивать воду.

– Вставай, скотина, мы должны отправляться к прелату! – закричал в отчаянии Рулоф, дергая за повод лежавшего на ярусе осла, однако Лумбарий в ответе лишь громко икнул и выпустил газы. Он прекрасно понимал слово «прелат» и связанные с ним двенадцать миль пути по холмам. Удаляться от кормушки более чем на полсотни ярдов осел не намеревался и из-под прикрытых век следил за поведением хозяина – когда же тот поймет, что сегодня добаться до прелата ему не удастся?

И Рулоф сдался. Он бросил поводья и сел на ярусе, свесив ноги во дворик.

Ну что он скажет прелату? Чем он удивит его, ведь гвардейцы и так доложат о своей неудаче и его светлость обязательно захочет взглянуть на эдакое чудо – чтобы немой вдруг заговорил.

Поразмышляв так с полчаса, Рулоф поднялся и направился к себе в хижину, чтобы выпить мятного отвара.

Почувствовав изменение в планах хозяина, Лумбарий встряхнул головой, поднялся на ноги и громко заорал, демонстрируя удивление такому неожиданному чуду.

– Эх, бессовестная ты скотина, обманщик, – сказал ему Рулоф, возвращаясь. Затем взялся за повод, повел осла обратно в хлев, а Молчун продолжал толкать ворот, и по его виду нельзя было понять, о чем он думает и думает ли он вообще о чем-нибудь.

9

В полном одиночестве и великой грусти Рулоф кружку за кружкой пил мятный отвар, а его коварный осел тем временем наслаждался свежим овсом.

Рулоф ждал появления прелата и то и дело выходил на крыльцо лачуги, чтобы послушать – не едет ли прелат со своей многочисленной свитой? Но несмотря на такое усердие, появление господина Рулоф все же пропустил. Лишь ржание осаженных у забора разгоряченных лошадей стало ему знаком, что Гудроф уже прибыл.

Забыв, что собирался помочиться – полдюжины кружек мятного отвара уже просились наружу, Рулоф бросился по лестнице вниз, не боясь упасть и разбиться о каменные ступени.

– Ваша светлость!.. Премного благода... рен! – сбивая дыхание, вопил Рулоф, намереваясь выскочить за калитку прежде, чем прелат сойдет с седла на землю. Но к тому времени, как он, теряя шапку, выскочил за забор, прелат уже направлялся к калитке.

– Ваша светлость!

– Не кричи, Рулоф, я же рядом. Что у тебя за новости? – спросил прелат и, отстранив смотрителя, деловито прошел на территорию водочерпалки.

– Дык заговорил, ваша светлость! Заговорил! – воскликнул смотритель и побежал следом за прелатом, опережая устремившихся за хозяином телохранителей.

Выйдя на смотрительский ярус, прелат Гудроф пошел медленнее, он сразу заметил изменения во внешнем виде невольника, хотя последний раз видел его полгода тому назад. Приготовившись к зловонию, поднимавшемуся прежде из круглого дворика, прелат, к своему удивлению, ничего не почувствовал, зато сразу отметил добротню сколоченный из новых досок домик.

– Кто это построил? – спросил он, останавливаясь на ярусе.

– Дык сам, ваша светлость.

– А одежду, что на нем, ты скроил?

– Нет, ваша светлость, вчера он сам все и поделал.

– Чудно звучит. А что у него на лбу за шишка? Упал?

– Не хотел говорить, ваша светлость, но это ваш племянник озорничали – булыжником его приложили, он и упал, а как поднялся и в себя пришел – заговорил и стричься попросил.

– Прямо так и попросил? По-ансолтски? – Прелат недоверчиво покосился на Рулофа.

– По-ансолтски, ваша светлость, только он пока не шибко может, но все говорит понятно – я разобрал.

– Прямо не знаю, как и верить... Одежку, говоришь, сам пошил, ящик собрал тоже сам?

– Да еще и на шипах, ваша светлость, без единого гвоздика!

– Чудно.

Прелат задумчиво поскреб короткую бороду, он уже не ждал от этого раба никакого прока, кроме работы на водочерпалке, – и вдруг такие перемены. А было время, когда он возлагал на чужеземца большие надежды.

– Ты спрашивал у него, кто он, откуда?

– Спрашивал, ваша светлость, не раз спрашивал, но он не помнит...

– А как вел бой с моими гвардейцами, видел?

– Видел, как не видеть, думал, сам не переживу такой картины... – Рулоф вздохнул. – Сначала испугался, что они его порубят, а потом – что он их...

– М-да... – Прелат покачал головой. – Удивительные вещи происходят в наши времена. Ты вот что... Ты следи за ним, есть давай вволю, пить, если чего построить захочет – способствуй.

– Понял, ваша светлость.

– И еще – его ведь заковать теперь требуется?

– Полагаю, он теперь не сбежит, ваша светлость... – осторожно заметил Рулоф.

– С чего такая уверенность?

– После драки с вашими ему самое время бежать было, а он остался. Ну а ежели что, места у нас пустынные, далеко не уйдет. С вашими собаками, ваша светлость, беглого из-под земли достать можно.

– Это ты прав, собаки у меня хорошие.

Прелат вздохнул и, посмотрев на небо, проследил, куда гонит ветер отяжелевшие осенние облака. Для завершения сбора урожая требовалось совсем немного ясной погоды. Совсем немного.

– Ладно, посматривай тут. Я через недельку наведаюсь, посмотрю, как у него дела, а ты при случае продолжай испытывать, кто он и откуда.

– Всенепременно, ваша светлость, – с поклоном заверил прелата Рулоф. – Всенепременно.

Проводив прелата до лошади и еще раз поклонившись ему и его свите, Рулоф надел шапку и поспешил назад.

Молодцевато пробежав по ярусу, Рулоф спустился во дворик и, забежав перед вращающимся воротом работником, радостно закричал:

– Молчун, стой! Да брось ты эту оглоблю!

Работник остановился, разогнул спину и сделал несколько разминочных движений.

– Его светлость отменил твою экзекуцию, ты теперь живой будешь!

– Я панимаю, – с акцентом ответил работник и посмотрел куда-то в сторону водопада. – Тепиерь мы можна строить...

– Чего строить?

– Я гавариэть тебе, чтобы тут делал животный. Где делал животный – люди делать не нада.

– Дык я ж тебе пояснял – скотина дохнет быстро, пары тут, чуешь? Это в тебе пять жил, вот ты и тянешь, а другой бы еще когда скопытнулся, всегда так было. А скотина и два месяца не выхаживает.

– Я проветриваю воздух чистый... Скоатина мочь делать много.

– Понятно. Так тебе доски нужны?

– Всякие крепки материал. Кожа, холстые, клейный.

– А холст какой?

– Парус.

– Парус?

– Да, я проветриваю воздух, как парус.

– Ага, – кивнул Рулоф. – В пристройке у меня полно всякого материала, для ремонта черпалки что только не идет в дело.

Он посмотрел на свою хижину, а потом на мышцы Молчуна.

– Ну так это... пойдём, сам выберешь.

– Да. Как далеко я мочь ходить, чтобы воды было?

– А-а, ты о запасе? Можешь не беспокоиться, там в замке озерцо дня на три имеется. Это еще отец мой предвидел, для ремонтов и других перерывов.

– Идем?

– Идем, только... – Рулоф вздохнул. – Ты пообещай, что не сбежишь, а то меня за такое не помилуют.

– Мне негде сбежать, я буду делать пользу проветривать здесь.

– Ну, хорошо, – не слишком уверенно ответил Рулоф и снова вздохнул.

– Я даже не слышать, кто я... – добавил невольник.

10

Они поднялись к хижине, и в просторной складской пристройке Молчун стал отбирать нужный для работы материал.

Доски, веревку, пару рулонов плотного холста и забитый деревянной пробкой кувшин, в котором, по утверждениям Рулофа, находился самый наилучший клей, какой только можно было представить.

– Это я сам завариваю, точно по списку своего отца. Даже зубья на шестеренках по полгода держит, железо точится, а клею хоть бы что.

Собрав выбранный Молчуном материал, они вместе принесли его во дворик, и невольник без задержки принялся размечать принесенное куском мела, определяя места будущих распилов и кройку холста.

Пока Рулоф ходил за инструментами, разметка была закончена.

– Откуда же в тебе столько премудрости, Молчун? – в который раз поразился смотритель. – Я не удивлюсь, если ты и в кузнечном деле понимаешь...

– Я понимать железо, понимать дерево. Я везде понимать... Но кто я быть – я не понимать, – ответил Молчун, не прерывая работы.

– Но это ж невиданное дело, другие и одно ремесло годами постигают, а ты все разом умеешь. Даже солдат прелата отвадил, а ведь мог их и вовсе порешить! Ведь мог?

Рулоф даже взмок от таких открытий и, сняв шапку, вытер ею лицо.

– Удивительное дело!

– Не очень удивительное, – ответил Молчун, подкручивая винт на лучковой пиле. – Я стар-мастер.

– Стар-мастер? – переспросил Рулоф.

– Да.

– А что это означает?

Молчун выпрямился и немного удивленно посмотрел на Рулофа.

– Этого я не понимать, – признался он.

– Но ты же сам сказал – я все могу, потому как стар-мастер...

– Я говорить, но я не понимать. Это далеко у меня назад, будем ждать.

Молчун вздохнул и сделал пилой на сосновой доске наметку.

– А ты говорить – побежать...

– Ну ладно. – Рулоф решил сменить тему. – Работай. Ты чего хочешь собрать-то, про-свети меня темного?

– Я хочу собрать сюда ветер и дать воздух, чтобы чистый. Чтобы скоатина мочь делать много.

– Ага... – кивнул Рулоф и чуть было не спросил: а ты тогда что делать будешь?

Но Молчун продолжил и сам ответил на незаданный вопрос:

– Пока скоатина мочь делать много, я мочь строит еще машина...

– И что же это будет за машина?

– Чтобы ветер крутить. Здесь крепкий ветер. – Молчун махнул куда-то на северо-запад и основательно взялся за дело, принявшись пилить, строгать, делать коловоротом дырки и готовить шипы.

Оставив его, Рулоф отправился по своим делам, а когда вернулся, Молчун уже прилаживал на каменный забор первые детали большой рамы.

Пока что конструкция выглядела для Рулофа непонятной, но он решил подождать с расспросами и посмотреть, что же из этого выйдет дальше.

Готовясь к обеду, он зарубил старую, переставшую нестись курицу и из ее потрохов сварил похлебку – для себя и Молчуна. О том, чтобы кормить такого ценного работника брюквой или кукурузой, не могло быть и речи.

Трапеза происходила в полной тишине тут же, на строительной площадке. Ворот оставался недвижимым, и серной водой во двореке почти не пахло. Молчун доел похлебку, вычистил куском хлеба свою плошку и, вернув ее Рулофу, благодарно кивнул. Затем поднялся с каменного пола, посмотрел на раму и без раскачки взялся натягивать на нее выкроенный холст.

Рулоф собрал посуду и стал подниматься по лестнице. На самом верху у самой хижины он обернулся и посмотрел на дворик.

Если бы он женился лет в двадцать пять, у него уже мог быть такой сын. Может, не такой высокий и сильный, но все же хоть какая-то поддержка на старости лет. Что толку быть вольным, если ты одинок?

11

С дороги донесся звон колокольчиков, и Рулоф узнал «голос» экипажа интрессы Амалии. Поставив посуду на крыльцо и подхватив шапку, он сбежал на ярус и помчался к калитке, чтобы встретить важную гостью.

Теперь уже Рулоф не радовался визиту Амалии, поскольку последний ее приезд принес ему много неприятностей. Не знал смотритель, чего от нее ждать и в этот раз, а вдруг она уговорила отца уничтожить Молчуна? Что тогда?

Экипаж Амалии и ее свита остановились ярдов на пятьдесят дальше обычного места, и Рулофу, подхватив полы халата, пришлось бежать им навстречу, чтобы продемонстрировать молодой хозяйке свое уважение.

Соскочивший с козел слуга не успел разложить выдвижную ступеньку, и Амалия обошлась без нее.

Опоздавший слуга замер, ожидая гнева госпожи, та фыркнула и ударила его по голове коротким стеклом. Сегодня ее раздражало абсолютно все, и, не дожидаясь телохранителей, она зашагала навстречу Рулофу, начавшему кланяться ей издали.

– Здравствуйте, ваша светлость! Очень рад вас видеть!

– Ну что, старый интриган, тебе удалось переубедить моего отца?

– В чем переубедить, ваша светлость? – сыграл испуг Рулоф, останавливаясь и прижимая руки к груди.

– Я попросила уничтожить эту вонючую гадость, эту зловонную яму, и отец согласился со мной, а ты его отговорил!

– Я никого не отговаривал, ваша светлость. Утром здесь были гвардейцы и пытались увести Молчуна, но он им не дался. Вот и все. Неужели вы думаете, что я, низайший из ваших слуг, почти что раб, дерзну о чем-то спорить с его светлостью прелатом Гудрофом?

– Вот и знай свое место, а то пожалеешь! – прошипела Амалия, заставив Рулофа содрогнуться. Та ли это девочка, которую он знал столько лет и вместе с которой радовался ее первым успехам в росписи шелковых рамок?

– Его светлость сам принял такое решение! – воскликнул Рулоф, обгоняя телохранителей и забегая перед интрессой.

– Я знаю, – ответила та и шелкнула стеклом по перчатке. – Я встретила его по дороге сюда, и отец сказал мне, что убивать вонючку больше нет смысла, якобы он поправляется и больше не пахнет. Как такое возможно: сегодня одно мнение, завтра другое? А ведь я уже приготовила для тебя двух крепких рабов, Рулоф!

«Да что же ей так взбрело-то?» – мысленно сокрушался Рулоф, снова обегая вокруг звенящих амуницией телохранителей.

Оттеснив Рулофа, Амалия первой прошла на ярус и сразу увидела стоявшую на каменной ограде конструкцию из свежеструганных балок.

Молчун, не обращая внимания на пришедших, продолжал выпиливать очередную деталь. Не узнав его, Амалия повернулась к подоспевшему Рулофу.

– А где же вонючка?

– Это он и есть, ваша светлость, – ответил смотритель.

– Да нет же, это другой человек! – не поверила Амалия.

– Тот самый, ваша светлость, просто он пострижен, помыт, да и домик себе новый построил.

– Так это он построил?

– Собственными руками, без единого гвоздя и на одних шипах.

– Поразительно. – Амалия недоуменно покачала головой. – А почему он больше не пахнет?

«Далось тебе это – пахнет – не пахнет!» – мысленно возмутился Рулоф, ему казалось странным, что все уделяют этому так много внимания.

– Ваша светлость, этот парень пришел в себя после долгой хворобы, поразился тому, как выглядит, и попросил постричься и помыться. Сломал старый сарайчик, построил новый и пользуется отхожим местом, как и любой другой житель нашего края. Потому и не пахнет.

– М-да... – Амалия осторожно потянула носом. – Пахнет сосновой стружкой и полынью. Удивительно.

Интресса подошла к краю яруса и облокотилась на невысокую ограду.

– Какой же он огромный, раньше за грязными космами его роста и видно не было, а теперь... Что он строит?

– Я не знаю, ваша светлость. Он пообещал мне впрячь сюда осла.

– Но ведь животные умирали здесь, не выдерживая паров серной воды, правильно?

– Именно так, ваша светлость, я ему все так и объяснил, а он сказал, что может сделать в яме хороший воздух и осел сможет выжить.

– И ты полагаешь, что он сумеет сделать это с помощью вот этих деревяшек? – с усмешкой поинтересовалась Амалия.

– Ваша светлость, после того как он сам скроил и пошил себе одежду и собрал домик, я ему вполне доверяю. Мало того, не знаю, можно ли говорить это вашей светлости, но утром он поколотил гвардейцев вашего батюшки...

– Что значит – поколотил гвардейцев? – спросила Амалия, выпрямляясь.

– Ну... – Рулоф был не рад, что затронул эту тему. – Одним словом, утром гвардейцы приходили его зарезать...

– Не зарезать, а сбросить в водопад, – поправила Амалия. – Это я так распорядилась.

– Вам лучше знать, ваша светлость, но он гвардейцам не дался, и они его прямо здесь зарубить хотели.

– И что ж не зарубили? – спросила Амалия, следя за тем, как невольник прилаживает очередную деталь.

– Не смогли, ваша светлость, он проворнее их оказался. Так ни с чем и уехали, а затем уже ваш батюшка наведалься...

Амалия молчала, недоуменно хлопая ресницами. Произошедшие с невольником перемены никак не укладывались в ее голове. Он строит, он шьет, он прогоняет гвардейцев, а еще пару дней назад он напоминал растение.

– Я хочу спуститься к нему, мне нужно увидеть его вблизи.

– А вот этого делать не стоит, ваша светлость! – Рулоф загородил собой выход к лестнице. – Кто знает, что придет ему в голову при виде вас, ведь это молодой мужчина! А ваши телохранители, при всем уважении, едва ли лучше гвардейцев.

Охранники угрожающе двинулись к Рулофу.

– Пст! – произнесла интресса и сделала рукой останавливающий жест.

Охранники подались назад.

– Хорошо, Рулоф, ты меня убедил. Сегодня я не стану беспокоить твоего работника... Но и на водопад я сегодня тоже не поеду – мне расхотелось. Прощай, Рулоф, провожать меня не нужно, сегодня ты меня раздражаешь.

Смотритель молча ей поклонился и оставался на месте, пока Амалия и ее свита не удалились.

12

Гости ушли, Рулоф покачал головой и вздохнул. С выздоровлением Молчуна история водочерпалки начала развиваться слишком быстро, и это было непривычно для зрителя. За много лет работы он привык к определенному ритму жизни, неспешной смене работников, не слишком частым визитам Амалии и совсем редким – самого прелата Гудрофа. А тут – какое-то нашествие хозяев, только успевай кланяться.

Чтобы развеять свои тревоги, Рулоф спустился к Молчуну, который уверенно заканчивал свою работу. Для завершения рамы ему оставалось поставить лишь пару деталей.

– Ну, как дела? – спросил Рулоф, останавливаясь рядом.

– Завтра работать скоатина, – заявил Молчун. Затем приложил очередную деталь к раме и, сделав отметку, принялся коловоротом высверливать отверстие.

Через минуту новая деталь была скреплена шипом.

– Зачем приходил эта девочка?

– Это не девочка, Молчун, это молодая госпожа – интресса Амалия.

– Она ушла совсем недовольна.

– Замуж ей нужно, тогда успокоится, – угрюмо заметил Рулоф.

– Ты умеешь печить пирог?

– Что? – удивился Рулоф.

– Печить пирог. Неправильно?

– Нужно говорить – печь пирог. Да, я могу сделать пирог с рыбой и перцем.

– Сделай. Я заканчиваю и помочь тебе. И, пожалейвайста, больше говори ко мне. Я хочу быстро учиваться гаварить по-ансультские.

– По-ансультски.

– Да.

– Ну хорошо, буду говорить с тобой чаще... И пойду готовить пирог.

Оставив Молчуна, Рулоф стал подниматься по лестнице, пытаясь осознать, что же происходит на водочерпалке, если ему, зрителю всего механизма, раб предлагает приготовить ужин.

Рулоф усмехнулся. Странное дело, но ему было приятно услужить Молчуну. С тех пор как тот «проснулся», стало ясно, что это человек особенный, раз им интересуется сам прелат.

«Не задержится он здесь, ох, не задержится, – подумал Рулоф и зашагал быстрее. – Но ничего не поделаешь, большому каравану – длинная дорога».

Едва Рулоф замесил тесто и занялся нарезкой маринованной сикши – мелкой рыбешки, которую ловил в тихой заводи неподалеку от водопада, появился Молчун.

Пригибаясь, чтобы не удариться головой о притолоку, он улыбнулся Рулофу и показал большие вымытые ладони.

– Я могу помогать. Где тесто есть?

– Вон, доходит. А ты потолки перец и порежь лук...

Вдвоем они быстро приготовили начинку, и Рулоф не уставал поражаться тому, с какой легкостью Молчун умеет управляться со стряпней, как будто занимался этим долгое время.

– Есть ли такое ремесло, в котором ты не смыслишь, Молчун? – спросил он наконец, когда пирог был поставлен в печь.

– Стар-мастер должен понимать все, на куда направленный человеческий глаз.

– Опять «стар-мастер». Ты еще не вспомнил, что это такое?

– Нет, – покачал головой Молчун. – Но я обязательно вспомнить. Это близко.

13

Утром вся конструкция с натянутым на раму полотном была готова, Рулоф увидел ее с крыльца хижины. Свежий утренний ветер заставлял полотно подрагивать, а Молчун вращал ворот, улыбаясь первым лучам солнца.

Рулоф широко зевнул, посмотрел на горизонт и спустился во дворик, где теперь гулял свежий, подаваемый новой снастью ветерок. Никакого ядовитого испарения серной воды здесь больше не чувствовалось, и можно было впрягать в ворот осла.

– Тебе это удалось, Молчун.

– Да, – ответил невольник. – Тебе обязанность делать ремни...

– К обеду сошью, дело-то знакомое. Вот только осел, боюсь, начнет упрямитесь. Зажрался он у меня, сказать по правде.

– Я его уметь убедить, – заверил Молчун, наваливаясь на ворот.

Вода в желобах журчала, как прежде, но сколько Рулоф ни принюхивался, запаха во дворике он ощутить не смог, только свежий ветерок.

– Ну, я и не удивлюсь, – сказал он, пожав плечами.

Молчун остановил ворот, сделал несколько разминочных движений и спросил:

– Ты сегодня пить чай?

– Нет еще. Но я понял, куда ты клонишь. – Рулоф улыбнулся. – Давай, крути ручку, а я за полчаса сделаю завтрак. Ты кутю кушаешь?

– Я все кушаешь, – в тон ему ответил Молчун, и они рассмеялись.

К обеду, как и обещал Рулоф, упряжь для установки осла к вороту была готова. Рулоф показал ее Молчуну, и тот одобрил его работу, что было немалой похвалой от умельца всех ремесел.

Пришло время выводить Лумбария, но, почувствовав неладное, осел запротивился. За годы, проведенные в резерве, он лишь переводил овес и изредка возил хозяина до ближайшего селения, а тут Лумбарий почувствовал запах новой упряжи и решил бороться.

– Ну иди же, каналья, пришло время поработать! – требовал хозяин, но Лумбарий не сдавался. Он свалился в навоз и закатил глаза, показывая, что тяжело болен и совсем не годен к работе.

Рулоф в сердцах хлестнул его раз-другой вожжами, но Лумбарий все вытерпел и продолжал самозабвенно играть, мелко подрагивая ногами.

– Ну что же, ничего тут не поделаешь... – сказал Рулоф и повернулся к дверям, чтобы уйти ни с чем.

Лумбарий тем временем приоткрыл один глаз и следил за глупым хозяином, которого так легко было провести.

– Придется заколоть его, пока совсем не издох, – продолжил свою мысль смотритель. – А зимой куплю нового – помоложе.

Для Лумбария это было как гром среди ясного неба, ведь до сих пор он считал, что все вокруг живут только для того, чтобы делать его жизнь приятнее. Брехливая собака – чтобы охранять хлев, старый хозяин – чтобы вовремя приносить чистую воду, овес, а иногда ржаные сухари. И вдруг – такое!

Лумбарий вскочил, ударил копытом о землю и вылетел из хлева следом за Рулофом, едва не сбив его с ног.

Громко заревев, осел принялся нарезать круги по склону, прыгая через булыжники и лихо проходясь иноходью, показывая хозяину, что с ним все в порядке, что он еще ого-го какой осел и всегда готов к работе.

– Ты смотри, и этот оклемался! – поразился Рулоф и хлопнул себя по бедрам. – Ну что ж, пойдем впрягаться, Молчун обещал тебе свежий воздух, а я, так и быть, стану снабжать тебя сухарями.

Услышав волшебное слово «сухари», Лумбарий подскочил к Рулофу и принялся тереться об него мордой.

Спустя четверть часа он уже покорно семеня по кругу, волоча непривычно тяжелый ворот, а довольные собой люди подбадривали его пустыми, ничего не значащими для осла словами.

– Давай, не ленись! – сказал Рулоф и безо всякой боязни вдохнул свежий, подаваемый парусом воздух. – Если не будет справляться, я попрошу прелата купить второго осла, чтобы они менялись.

– Это не нужно. Ветер уметь делает работу сам. Я сделать такое колесо... – Молчун раскинул руки, пытаясь объяснить Рулофу, что будет представлять из себя это удивительное колесо. – Ветер вращать колесо и накачивать вода. Будет быстро.

Рулоф пожал плечами. Звучало это чудно, но у Молчуна слова с делом не расходились, сказал – значит, сделает.

14

С момента последнего посещения прелатом Гудрофом водочерпалки прошло две недели. Несколько раз властитель края порывался навестить очнувшегося раба повторно, прелату было интересно и даже важно, что может вспомнить о себе этот человек, однако текущие дела не давали Гудрофу расслабиться. Богатый урожай на его землях оказался большой проблемой для крестьян и для него самого. Амбаров для зерна, хранилищ для картофеля и брюквы не хватало, а скоро должны были пойти осенние дожди, и тогда сваленные в кучи плоды тяжелого труда могли пропасть безвозвратно.

Крестьяне были малоинициативны и ждали помощи от господина, и ему приходилось срочно строить новые хранилища.

На юге империи урожай оказался не столь хорошим, как на севере, и прелат Гудроф рассчитывал порядком подзаработать, поставяя зерно и картофель в южные провинции.

– Ваша светлость, там впереди подозрительная роща, придержите лошадей, пока мы осмотрим ее! – попросил Тревис, начальник охранной сотни прелата.

– Хорошо, посмотри, я не стану спешить, – согласился прелат. Он ехал на встречу со своим соседом и противником в недавней войне, прелатом Илкнером.

Илкнеры были старинным родом и придерживались обычаев, но, когда дело касалось соперничества из-за земель, порядочность дворянских родов часто отходила на второй план и в каждой роще Гудрофа могла ждать засада.

Гудроф ехал по той самой провинции Силейне, ставшей яблоком раздора между двумя прелатами. Когда-то она принадлежала Илкнерам, но более полувека назад, во время войны за трон между наследником императора Лаватера Мудрого Канвендусом и его двоюродным братом Фаргелием Черным Усом Илкнеры поддержали Черного Уса, поскольку тот обещал сделать их выше других родов, да и армия у претендента была вдвое больше, чем у законного наследника.

Гудрофы же, напротив, не признали самозванца и остались верны Канвендусу.

Через год непрекращавшихся боев преимущество Черного Уса растаяло, и он сбежал на пиратском корабле в Бескайское море. Илкнеры с запозданием присягнули императору Канвендусу и выдали прятавшихся у них генералов Фаргелия, однако это не спасло их от гнева молодого императора. Они потеряли некоторые из привилегий и две провинции – Силейну, отошедшую верным Гудрофам, и Манбасу, перешедшую во владение казны.

Таким образом Илкнеры оказались отрезаны от своей самой южной и самой крупной провинции – Калибазии, граничившей с ничейными Гортскими Пустошами.

Пустоши для владений не годились, там не родилась пшеница, вымирили люди и скот, зато в Калибазии были плантации, где выращивался сахарный эмцо. Впрочем, хватало там и разбойников, пополнявшихся из местных беспокойных племен. Теперь Илкнеру пришлось в голову сменять небольшую, но близкую Силейну на далекую, но большую Калибазию.

Предложение Гудрофа заинтересовало, тем более что он имел выход к Бескайскому морю и мог, при желании, миновать земли соседей и попадать в Калибазию на корабле. На стыке с Пустошами эта провинция выходила к морю и имела плохо развитый порт – Илкнеры хозяйствовали в нем неумело, но Гудроф знал, как взяться за дело лучше.

Телохранители вернулись, дорога через рощу оказалась безопасной.

– Все в порядке, ваша светлость, можно проезжать! – сообщил Тревис, переведя дух.

– Что ж, едем.

Прелат тронул шпорами лошадь и повел ее рысью. До пограничного селения, где они с Илкнером уговорились встретиться, было еще часа полтора пути.

Повсюду вдоль дороги чернели выгоревшие поля, однако деревни понемногу отстраивались, вернувшимся крестьянам Гудроф за свой счет покупал лес и следил за тем, чтобы материал поставлялся качественный. Поставщики же были вольными и иногда позволяли себе обманывать людей прелата.

Вскоре отряд стал спускаться в рощу, расположенную в лощине. Здесь было много орешника, и Гудроф решил, что если договориться об обмене, то назначит срок после заморозков, когда закончится сбор орехов. В этом году их урожай был особенно хорош.

«Удачный год», – подумал прелат. Он фактически выиграл войну у Илкнера, построил два оросительных канала и новые амбары. Осталось отстроить сожженные деревни, и его хозяйство снова будет восстановлено, и тогда в казну рекой потекут золотые монеты. У Гудрофа была крепкая деловая хватка, из-за чего на него презрительно посматривали императорские фавориты. Гудрофа нечасто приглашали ко двору, а если такое случалось, в ряду других его ставили в самый конец. Но он не обижался, уже сейчас его доходы перекрывали любые императорские милости, которыми его величество осыпал своих приближенных.

15

Миновав ореховую рощу, колонна выбралась на новую, недавно проторенную дорогу. Прежнюю, мощеную, разорили солдаты Илкнера, чтобы помешать прибытию обозов со снабжением для войск Гудрофа.

Восстанавливать ее прелат не хотел. Дорога была старая и глубокая, после дождей на ней скапливалось много воды и камни постепенно уходили в глубь сырого грунта. Гудроф предполагал построить новую – насыпную, но теперь неизвестно, как все сложится.

– Эй, Тревис, давай свернем к Вилле-Оку, я хочу посмотреть, сколько людей вернулось и как они строятся, – высказал пожелание прелат.

Тревис махнул рукой, и передовой отряд разведчиков поскакал к видневшимся на горизонте уцелевшим деревьям, указывавшим место, где прежде стояло селение Вилле-Оку.

Когда-то его закладывал Трауб-Обжора – прадед нынешнего прелата Илкнера, отсюда и яростное желание Илкнеров вернуть провинцию себе. Они считали эту территорию своей вотчиной, началом всех Илкнеров.

Пока прелат с основной частью свиты скакал через луг к селению, разведчики уже прибыли на место и немало перепугали крестьян, строивших свои новые дома. Их здесь набралось пять семей, а прежде в Вилле-Оку насчитывалось полторы сотни домов.

– Стоять, не разбегаться, сволочи! – стали кричать гвардейцы, еще больше пугая людей, столько переживших во время недавней войны и познавших все ужасы бегства и нелегкого возвращения.

В наспех собранных сараях тоскливо завывали думы.

– Это наш господин-благодетель едут! – закричал вдруг один из крестьян, стоявший на недостроенном срубе и разглядевший вдали штандарт прелата Гудрофа. – Не бойтесь, это его светлость едут!

Люди стали успокаиваться и ругать солдат за то, что те их напугали.

Мужчины спустились со срубов и побросали жерди, которыми собирались обороняться, а женщины и дети стали выбираться из-за неоконченных стен.

Вскоре подоспел и сам прелат. В скромном для его статуса мундире, он выделялся лишь дорогой вороной лошадью и тем, что мог себе позволить ехать без шлема и кирасы.

– Здравствуй, ваша светлость, благодетель наш! – крикнул старший из всех крестьян и вместе с остальными опустился на колени.

– Ладно, поднимайтесь, нечего штаны марать! – ответил прелат и принялся осматривать возведенные из потемневших бревен стены.

– Кто лес поставляет? – строго спросил он старшего из мужиков.

– Дык господи Миллибенды из города Скруттела, – ответил тот, разводя руками.

– Так ведь гнилой же лес, разве вы не видите?! – начал сердиться прелат и, подъехав ближе, ткнул кинжалом в бревно. – Где эти Миллибенды?

– Дык вон они едут, ваша светлость, другие деревья везут! – ответил ему конопатый мальчишка и махнул в сторону петлявших между пепелищами дромов, запряженных в пары передков, на которые и были положены бревна – по три на каждый экипаж.

За длинной вереницей из полудюжины экипажей ехал возок на больших колесах, управляемый торговцем, одетым в дорогое крашеное сукно.

– Эй, Тревис, спрячь штандарт да отведи гвардейцев за стены, я желаю поговорить с торговцем по-простому.

Приказ прелата был немедленно выполнен, и торговец гнилым лесом подъехал к постройкам в полном спокойствии. Даже присутствие незнакомца на хорошей лошади не смогло поколебать уверенности торговца.

– Хорошо бы цену сбросить, ваша милость, уж больно дерево темное... – издали начал мужик, чувствуя поддержку наблюдавшего за происходящим прелата.

– О чем ты говоришь, дурак?! Какая цена?! Думаешь, это ты мне платишь? – закричал торговец, поднимаясь в возке и натягивая вожжи.

– А кто платит? – спросил прелат, не удержавшись.

Торговец смерил его подозрительным взглядом, но игнорировать незнакомца не решился.

– Казна прелата Гудрофа платит.

– А почему казна платит за гнилой лес?

– Не твоё дело, господин хороший, у меня с мужиками свои дела, у тебя свои. Проезжай дальше.

– Вот, значит, как, – усмехнулся прелат. – А ты, стало быть, Миллибенд?

– Ганс Миллибенд, а ты кто таков будешь?

– Тревис, давай сюда! – вместо ответа крикнул прелат, и из-за стен недостроенных срубов стали выезжать гвардейцы. По мере увеличения их количества лицо Миллибенда становилось бледнее, а нижняя губа начала подрагивать.

– Итак, мерзавец, почему ты поставляешь гнилой лес? – повторил прелат свой вопрос.

– Я... я... я свободный человек, я подданный императора и ни перед кем...

Договорить торговец не успел, пущенная Тревисом плеть обрушилась ему на голову, сбив бобровую шапку.

– Ваша светлость, извольте приказать, чтобы меня не трогали! Я подданный императора, я свободный горожанин!

– Повторяю вопрос: почему продаешь бревна? Разве я за эту трухляшку плачу по серебру за пять бревен?

– Нужно разобраться, ваша светлость! Но бить меня нельзя, я секретарь торговой палаты, я свободный подданный императора!

– Ну-ка, Тревис, повесь его немедленно! А вы, – прелат повернулся к онемевшим приказчикам, – смотрите и передайте другим жуликам, что со мной так дела вести нельзя.

Соскочившие с седел гвардейцы бросились стаскивать с возка брыкающегося Миллибенда, вопящего о своей значимости и о том, что над ним нет власти прелата Гудрофа.

Через минуту он замолчал, раскачиваясь на пеньковой веревке, перекинутой через толстую ветку уцелевшего дерева.

– Вот и успокоился, – подвел итог Гудроф. – Передайте его брату, как там его?

– Удо Миллибенд, ваша светлость... – подсказал кто-то из приказчиков, пораженных скорой расправой над их начальником.

– Передайте этому Удо, что все бревна нужно заменить и людям моим восполнить убыток за строительство. Через два дня я приеду и проверю. Если этого не будет исполнено, повешу и второго негодяя – у меня веревок на всех хватит!

16

Местом встречи двух прелатов была выбрана избушка лесника, стоявшая на границе между двумя территориями. Во время недавней войны лесник куда-то подевался, исчезли его скот и пожитки, но пустой дом теперь сгодился для важных переговоров.

Дружины обоих прелатов остались за пределами лесной опушки, на которой и располагалось брошенное лесником владение.

– Здравствуй, Морат Илкнер.

– Здравствуй, Легвос Гудроф.

– Присядем. Хозяин здесь ты, но моя кровь из этой земли, поэтому я сыграю роль радушного хозяина.

– Я не против, прелат Морат.

Они сели на широкую скамью, единственную из оставшейся мебели.

Морат расчесал пятерней поседевшие пряди и хлопнул себя по колену.

– Давай сразу к делу, мне нужна Силейна. О причинах говорить нет смысла, они тебе известны. Когда мои солдаты жгли Вилле-Оку, я плакал, ведь большинство домов в ней закладывал еще мой прадед...

– Трауб-Обжора, я помню, – кивнул Гудроф.

– Ну вот...

Илкнер вздохнул.

– Мой старший сын Сборстьен подрастает, года через три он непременно начнет против тебя новую войну...

На лице Гудрофа появилась улыбка.

– Да-да, я знаю, что ты выиграешь снова, но знаю я и то, что ты умеешь считать деньги, а значит, и убытки. Зачем тебе очередная война, ведь в мирное время ты заработаешь больше денег?

– Мне это известно, прелат Морат. Каковы твои условия обмена?

– Условия просты – отдай мне Силейну и получи Калибазию. Да, она не касается твоих границ, но у тебя есть выход к морю, а стало быть, ты не заплатишь ни одного медного иззи за перевозку сахарных эмцо. К тому же Калибазия почти втрое больше Силейны.

– Но там неспокойно.

– Да брось, Легвос, у тебя отличные солдаты, ты загонишь разбойников в лес, откуда они никогда больше не выберутся, мы оба это знаем.

Гудроф вздохнул. Обмен представлялся ему вполне равноценным и даже выгодным.

– Ладно, прелат Морат, я согласен, только проведем дела с первым снегом. И крестьян своих я тоже заберу.

– Забирай, я поселю новых.

– Но пять домов, что начаты, дострою до конца.

– Буду рад такому порядку.

Они поднялись, Илкнер протянул руку, Гудроф ее пожал.

– Не помнишь, с чего мы стали воевать, прелат Морат?

– Я хотел отнять Силейну безо всякого обмена, – усмехнулся Илкнер.

– Но с обменом будет надежнее.

– Да, с обменом будет надежнее, – кивнул Илкнер. – Ну, до первого снега?

– До первого снега. Я буду готовить корабли.

– Готовь корабли, сосед. Так будет.

– Так будет.

На том они и расстались. Гудроф вернулся к своим людям, забрался в седло и поехал прочь – у него еще было много дел. А Илкнер долго смотрел ему вслед, размышляя о том, как бы со временем ухитриться вернуть себе все без войны.

Скоро Сборстьену исполнится восемнадцать, и это повод посвататься к дочери Гудрофа Амалии. Правда, говорили, будто она плохо воспитана и перечит отцу, а еще переводит дорогой шелк, пачкая его глиняными красками. Но это преодолимо, главное, что она старшая дочь прелата Гудрофа и он обязан дать ей хорошее приданое – возможно, это будет та же Калибазия.

17

В свой главный замок прелат Гудроф вернулся только к позднему ужину, успев побывать еще на нескольких стройплощадках, где возводились новые амбары.

Окинув взглядом освещенное фонарями подворье, прелат отметил, что нет ни брошенных возов, ни строительного материала без дела, ни забытых ведер – все, как он требовал.

Ему навстречу, с ярким двухфитильным фонарем, вышел распорядитель Дизрай, семидесятилетний крепкий старик, обладавший цепким взглядом и отличной памятью. Он помнил еще отца прелата Легвоса – Кармеля и сопровождал его в качестве секретаря и летописца в трех местных войнах и двух больших кампаниях под знаменем императора. На Дизрая прелат мог положиться как на самого себя – тот не только разбирался в относящихся к его службе замковых делах, но также вникал в дела всего края.

Иногда Гудроф с ним советовался.

– Ну, что тут у нас?

– Два раба задристали. Один совсем слабый, я приказал его на пастбище отослать: если заразный, пусть там помрет, – а второго бабки отварами потчуют, вроде покрепче стал.

– Известь привезли?

– Привезли. Я проверил – сухая, в подвал запер. В правом крыле чердак закончили чистить, досок гнилых почти нет, так что новый лес закупать не нужно, оставшимся от строительства обойдемся.

– И то хорошо.

Прелат вошел под своды замка и, обернувшись, разрешил Тревису и его солдатам идти в казарму. Затем постоял, глядя на высокие стены гостевого зала, думая, как лучше перехватить высоту балками, чтобы устроить дополнительные помещения и подшить потолок.

Постепенно прелат перестраивал старый замок согласно последней моде, делая закрытые дымоходы и выбеливая стены. Прежде здесь все отапливалось по-черному.

– Лурдика подковали? – спросил Гудроф, продолжая примеряться к стенам зала.

– Подковали, ваша светлость. Приезжий коновал сказал, что конь болен не шибко, нужно к копытам пижму прикладывать – и через неделю поправится.

– Откуда коновал, с Денкера?

– С Денкера, ваша светлость, тот самый – проверенный. Куда ужин подавать, в опочивальню?

– Нет, пусть в зал несут. Я еще посижу немного, подумаю.

Дизрай сделал знак ожидавшему поодаль слуге, и тот помчался на кухню.

– Сапожки мягкие нести?

– Пусть несут, а то я ног под собой не чувствую.

Прелат прошел в просторный каминный зал, снял пояс с оружием и отдал Дизраю. Потом чуть сдвинул кресло и сел напротив красных углей в камине.

– Огонька, ваша светлость? – спросил Дизрай, зная, что прелат любит смотреть на огонь и слушать треск поленьев.

– Да, добавь.

Распорядитель стал быстро укладывать в камин заготовленные поленья.

В это время подошел слуга, принесший легкие сапоги из оленьей кожи. Прелат кивнул, и слуга аккуратно стащил с него тяжелые ботфорты и сменил их на домашнюю обувь.

Ощувив облегчение, Гудроф не смог сдержать блаженную улыбку.

Появились трое кухонных слуг, доставив три подноса с разогретыми блюдами. В отличие от других господ, прелат Гудроф довольствовался тем, что оставалось от семейного обеда, и позволял разогревать мясо и бульоны, не требуя готовить свежие.

– Ваша супруга леди Бровн уже спит, – сообщил Дизрай, помогая слугам расставлять на принесенном столе тарелки.

– Никаких просьб не передавала?

– Не передавала, ваша светлость. Генри и Эрнст здоровы, сегодня занимались языками и арифметикой.

– А моя непоседа, как она?

– Интресса Амалия? А вот и она, сами пожаловали... – произнес Дизрай, кланяясь и отступая в тень.

Прелат улыбнулся, вставать на пути у Амалии не решался никто, даже он с трудом сдерживал ее крутой нрав. Сейчас ей семнадцать, и скоро следовало ожидать брачных посредников, но прелат плохо представлял, как сможет убедить дочь составить выгодную партию с каким-нибудь достойным дворянином. Девушка была слишком своенравной.

Опасаясь ее резкости, слуги подались к стенам, а интресса схватила тяжелый стул и поставила рядом с креслом прелата.

– Ты почему не спишь? – спросил он, видя, что дочь пришла в длинном халате, накинутом поверх ночного платья.

– Мне не спится, – ответила Амалия, садясь на стул. Затем приподняла крышку одного из блюд и взяла ножку бекаса.

– Ты не ужинала?

– Ужинала, но без удовольствия. А сейчас проголодалась.

Прелат придвинул к себе деревянную плошку, какие делали только деревенские мастера. Такие плошки хорошо держали тепло, и в них подавали лапшу из утки или суп из гуся с печенкой.

Его светлость не мог уснуть, не съев на ночь горячего.

– Куда ты ездил? – спросила Амалия, забравшись на стул с ногами.

– Встречался с Илкнером...

– С Илкнером? – удивилась Амалия, перестав жевать. – О чем нам разговаривать с Илкнерами?

– Мы соседи, – произнес Гудроф, пожав плечами. Он попробовал лапшу и прикрыл глаза от удовольствия. Его новый повар был безупречен, впрочем, было отчего стараться, ему платили как гвардейскому сержанту.

– Мы враги! – заносчиво произнесла Амалия и швырнула недоеденную ножку в камин.

– Прежде всего мы соседи, а теперь, когда нас замирил император, враждовать негоже...

Гудроф съел несколько ложек лапши, затем подсыпал в нее резаного базилика и красного перца.

– Кстати, у Мората Илкнера есть старший сын Сборстьен. Симпатичный юноша, хорошо держится в седле, смелый...

– Зачем ты мне это говоришь?

– Я думал, тебе будет интересно, вы ведь почти ровесники. Возможно, на одном из праздничных вечеров вы даже познакомитесь...

– Вот еще, якшаться с каким-то Илкнером!

– Уверен, ты бы ему очень понравилась, – сказал прелат и весь погрузился во вкусовые ощущения от лапши. Сегодня она показалась ему особенно удачной.

– Жаль, что ты не успел сжечь дотла их замок!

– М-м-м, и теперь уже вряд ли сожгу, причины воевать больше нет. – Гудроф с удовольствием облизал деревянную ложку и положил на стол.

– Как это нет, а провинция Силейна? Они от нее ни за что не откажутся!

– Я отдал им Силейну...

– Что-о-о?! – не поверила Амалия, вскакивая со стула.

– Мы поменялись, я отдал им Силейну, а они мне – Калибазию. Завтра начнем готовить корабли, чтобы с первым снегом осмотреть свои новые владения. Ты что порекомендуешь, бекаса или гусиный паштет?

Новости были настолько неожиданными, что Амалия никак не могла определиться: негодовать ей или радоваться. В конце концов она снова села и задумалась, позволив отцу спокойно есть.

– Ты одобряешь мои действия? – спросил он, облизывая соус с пальцев.

– Нет, конечно, я бы предпочла войну. Но ты поступил правильно, теперь у нас будет мир, а если ты надеешься выдать меня за Илкнера, то и настоящие союзники.

– Рад, что ты это понимаешь.

Шагнувший из тени слуга подал чашу с терновой водой для омывания рук.

Прелат обмыл пальцы, промокнул их полотенцем и откинулся на спинку кресла, позволяя убрать пустые блюда с костями.

– Он и вправду симпатичный? – после недолгого молчания спросила Амалия.

– Да, он хорош собой. Думаю, тебе понравится.

– А где же ты мог его видеть?

– На войне, где же еще? Он стоял против нас у реки Кроу, мы тогда одержали победу, но схватка была кровавой. Я приказал стрелять в него из арбалетов, однако мои лучшие стрелки трижды промахивались, видимо, само небо хранило его для тебя.

Пока прелат ел сыр с зеленью, Амалия молчала. Когда он взялся за красное вино, она сказала:

– Я могу встретиться с ним и даже познакомиться, но большего обещать пока не могу.

– Я ничего и не требую, – согласился прелат. – Пара лет у тебя еще есть, порхай, рисуй на шелках, собирай на холмах букеты. На то оно и девичество.

Они помолчали. Отец потягивал из бокала вино, дочь сосредоточенно смотрела на пламя, обхватив колени руками.

– Ты знаешь, говорят, вчера над холмами снова видели «черную колесницу».

– Это могла быть туча, – поспешно отмахнулся прелат.

– Нет, я сама говорила с пастухом дромов, он описал мне ее очень подробно. Это настоящая колесница, и нам всем следует быть настороже.

– Если даже это настоящая колесница, она могла просто пролетать мимо.

– Ну конечно, мимо! Когда мне было два года, они спустились на землю где-то за Денкером и на кого-то там напали.

– Не помню, давно это было, – покачал головой прелат. – Да и Денкер далеко.

– И тем не менее. Кстати, наши люди говорят, что три года назад над холмами тоже пролетали колесницы, а потом у нас появился этот вонючка с водочерпалки...

– Это раб появился сам собой...

– Что значит – сам собой?

– Ну, я купил его у проезжих наемников, они ехали издалека, возможно, разорили на юге какое-то селение. Я купил у них раба, он показался мне крепким, но я ошибся.

– Я видела его после того, как он вдруг начал поправляться...

– О да, замечательное событие. Ну что, пойдем спать?

Прелат широко зевнул, показывая, что собирается идти.

– Я его даже не узнала, это совсем другой человек...

– Ладно, завтра договорим.

Прелат поднялся и бросил на стол салфетку.

– А это правда, что колесницы похищают людей? – спросила вдруг Амалия.

– Болтовня, – отмахнулся прелат.

– А как же «Черный праздник», когда колесница убила всех рыцарей и похитила с императорского праздника тысячу дам дворянского рода моложе тридцати лет?

– Амалия, прошу тебя, не задавай мне вопросов, на которые не существует ответов! «Черный праздник» – всего лишь страшная сказка. Миф, понимаешь?

– Мне рассказывала леди Онорсия...

– Леди Онорсии семьдесят пять лет, ей хочется привлечь к себе внимание, вот она и рассказывает разные ужасы, причем всякий раз по-новому! Все, я иду спать, до завтра, дитя мое!

И прелат Гудроф торопливо ретировался, чтобы не беречь старые раны.

Сейчас ему было сорок восемь лет, но ровно сорок лет назад он сам присутствовал на празднике по поводу коронации отца нынешнего императора.

Тысячи представителей высшей знати империи, великолепные костюмы, бриллианты, золото, кареты. Десятки тысяч лакеев в парчовых ливреях, бесконечные ряды гвардейцев в парадных мундирах. Комедианты, оркестры, сладости для детей, игристое вино для взрослых, а вечером ожидался небывалый фейерверк, но неожиданно, вскоре после долгого обеденного застолья, все поменялось. Небо потемнело от огромной черной тучи, которая с оглушительным ревом опустилась на ближайший холм. Затем случилось то, что до сих пор прелат Гудроф списывал на излишнюю остроту своего детского восприятия, умноженную на безудержную детскую фантазию.

Из «черной колесницы» вышли огромные рыцари ростом до небес и двинулись на ошеломленную публику. Кто-то еще надеялся, что это удивительный трюк заморского чародея, выступление которого было обещано в конце праздника. Но все оказалось страшнее: из недр «черной колесницы» стали выезжать самобеглые повозки, принявшиеся носиться по долине и сгонять людей, как собаки сгоняют овец, помогая пастуху. Им пытались воспрепятствовать стоявшие в оцеплении гвардейцы, но повозки давили их, сея ужас и панику.

Затем из повозок стали выскакивать существа с блестящими головами, по крайней мере такими их запомнил Легвос Гудроф.

Публика бросилась врассыпную. Началась давка, опрокидывались столы, посуда и фрукты валились на траву, разбитые курильницы с благовониями вспыхивали ярким пламенем, зажигая одежду перепуганных людей. Но посреди этого сумбура деловито сновали вышедшие из повозок пришельцы. Очень скоро стало понятно, что они забирали с собой молодых женщин благородного происхождения, и выбрать здесь было из чего. Придворные красавицы, представительницы старинных родов, которых ожидали блестящие брачные партии, – всех их вязали сверкающими браслетами и, словно скот, волокли в повозки.

Пытавшихся сопротивляться мужчин пришельцы убивали на месте вспышками желтого огня, вылетающими из коротких металлических предметов.

Позже, поучаствовав в нескольких войнах, Легвос Гудроф много раз наблюдал похожие картины, когда на чужих землях победители собирали рабов. Обычно отбирали только крепких мужчин и молодых женщин, а остальных в лучшем случае просто отбрасывали прочь, но чаще убивали – на территории врага не должно было оставаться ни людей, ни скота, ни строений.

На том жутком празднике происходило то же: отбирая себе добычу, нападавшие бездумно сеяли смерть, убивая не только оказывавших сопротивление, но и тех, кто был им не нужен.

Как самобеглые повозки возвращались к большой колеснице и как она улетаала, Легвос не помнил, поскольку от сильного потрясения лишился чувств. В себя он пришел только в карете, когда их неполное семейство возвращалось домой.

Что будет, если одна из «черных колесниц» снова опустится на холмы? Сможет ли он, прелат Гудроф, защитить свою семью от похитителей?

Придя в свою опочивальню, прелат разделся и, повздыхав, уснул, так и не найдя ответа на этот вопрос.

18

Ночью пошел сильный дождь, усилился ветер, но, несмотря на непогоду, Молчун дважды выходил на улицу с фонарем, чтобы проверить – не сорвал ли ветер «крылья» лопастного колеса, построенного два дня назад.

Буря яростно трепала парусину, хлестала дождем по деревянным брускам, но крепкая конструкция не поддавалась, только немного поскрипывала.

Молчун подумал, что неплохо бы сделать механизм изменения положения крыльев и в течение дня менять нагрузки на колесо, ведь при сильном ветре водочерпалка работала избыточно, накачивая воды больше, чем нужно, и без нужды изнашивая зубчатые колеса.

«Завтра займусь», – пообещал себе невольник. Работа оставалась единственным, чем он мог занять себя, пока его сознание и память были недостижимы.

Проверив механизм, Молчун вернулся в свой домик, а ему на смену из хижины на склоне появился Рулоф.

Прикрываясь плащом из просмоленной мешковины и подсвечивая себе фонарем, он спустился во дворик и еще раз осмотрел сотворенное невольником чудо – самокрутное колесо.

Он не очень верил, что у Молчуна что-то выйдет, но когда вся эта громада закрипела, закрутилась и стала без помощи осла подавать воду – да как подавать! – он воскликнул: великие реки! И на четверть часа лишился дара речи.

Сейчас колесо стояло – по ночам водочерпалка не работала, но крылья трепетали под порывами ветра, как будто не могли дожидаться утра, когда же им снова позволят крутить колесо.

– Чудо! Одно слово – чудо! – вслух произнес Рулоф и, покачив головой, стал подниматься к лачуге, черпая дождевую воду дырявыми башмаками.

Хлопнула дверь лачуги, и пару минут спустя Рулоф уже снова храпел на деревянной койке. Смотритель спал, но за стеной в пристройке не спал осел Лумбарий, перебирая копытами и опуская морду в торбу. Он ел овес, думал и снова ел и не переставал восхищаться гением большого человека, сократившего срок его ослиной каторги.

Под утро дождь сменился недолгим градом, а с первыми лучами солнца тучи ушли за юго-восток и ветер принялся сушить промокшие за ночь парусные крылья и каменный забор вокруг водочерпалки.

Рулоф вышел на крыльцо и, подойдя к бочке, поплескал в лицо студеной водой. Вытершись полый халата, он посмотрел на всходившее солнце, затем спустился к лестнице и увидел, что из своего домика показался Молчун. При нем была дощечка, на которой, Рулоф это уже знал, была горстка толченого мела и пара веточек увядшей мяты. С помощью этих компонентов Молчун создавал зеленоватую смесь с запахом мяты.

Огромное ветряное колесо поднималось посреди двора футов на пятнадцать, и его крылья все еще вибрировали на ветру, словно желая поскорее начать работу.

– Вот ведь дела какие, – восхищенно произнес Рулоф и стал спускаться во дворик, желая присутствовать при запуске колеса в работу.

Тем временем Молчун пальцем энергично размазывал меловую смесь по зубам, и Рулоф с интересом за ним наблюдал.

– Зачем ты это делаешь? – задал он вопрос, который не давал ему покоя уже несколько дней.

– Я... мою зубы, – пояснил Молчун.

– Они у тебя что, грязные? – не понял Рулоф.

– Ты сделай то же, тебе понравится, – ответил Молчун, кивнув на дощечку с остатками меловой смеси.

Рулоф подошел, робко подцепил ее пальцем и стал копировать движения Молчуна, а после того как тот прополоскал рот водой, сделал то же самое.

– О, я как будто напился из зимнего родника!

Рулоф сделал губы трубочкой и подышал, удивляясь новым ощущениям во рту.

– Нужно мех свиньев, и я сделаю нам щетки.

– Щетки? – переспросил Рулоф.

– Да. Нужно делать не пальцем, нужно делать щеткой, так правильно. Я тебе покажу, если найдешь мех свиньев.

– Щетину, что ли?

– Да, щетину, так правильно.

– Ну хорошо... А ты скоро снимешь колесо со стопора?

Рулоф посмотрел вверх, где паруса крыльев подрагивали особенно заметно.

– Да, мы можем начать, – согласился Молчун, подошел к колесу и выдернул массивный брус, удерживавший всю конструкцию от вращения. Большое колесо вздрогнуло и начало раскручиваться.

Вскоре послышался шум подаваемой в желоба воды.

– Работает, – произнес Рулоф и покачал головой. – Ишь ты, зараза какая, даже не верится!

Смотритель повернулся и побежал к лестнице, чтобы скорее начать готовить завтрак и разделить его не с невольником, а скорее уже с другом.

С тех пор как Молчун пробудился от спячки, жизнь на водочерпалке стала куда интереснее.

19

Расположившись во дворике неподалеку от работающего колеса, Рулоф и Молчун стали завтракать, однако закончить им не дали – послышался стук копыт, на водочерпалку приехали очередные гости.

– Это прелат! Побегу встречать! – спохватился смотритель и помчался на ярус, на ходу вытирая жирные губы.

Перед тем как выскочить в калитку, он оглянулся на колесо и побежал дальше, пытаясь предугадать реакцию его светлости на это новшество.

Рулоф успел вовремя, телохранители прелата уже попрыгали на землю, а сам он только-только сошел с лошади и, обернувшись, увидел кланяющегося смотрителя.

– Здравия желаю, ваша светлость. Большая радость для нас, что вы пожаловали.

– Ну что же, хорошо, что радость.

Прелат одернул мундир и огляделся:

– Как тут у тебя, все в порядке?

– В порядке, ваша светлость, вода поступает...

– Как твой Молчун, поправляется?

– Поправляется, ваша светлость, – кланяясь, ответил Рулоф и покосился на Тревиса, которого побаивался. Тревис был груб со всеми, кто по статусу оказывался ниже его.

– Ну, пойдем посмотрим.

И они направились к калитке, прелат по тропинке, а Рулоф по обочине.

– А имя свое он не вспомнил?

– Пока нет, ваша светлость, но по-нашему говорит уже хорошо.

Уже подходя к калитке, прелат увидел вращающееся колесо. Это было столь неожиданно, что он застыл на месте, ухватившись за каменный забор.

Другие были поражены не меньше его.

– Что за чудо невиданное? – произнес наконец прелат, не в силах отвести взгляд от вращающейся конструкции.

– Это, ваша светлость, ветряное колесо, – пояснил Рулоф. – Его наш Молчун собрал, чтобы ни ему, ни ослу моему – Лумбарии – этой работы не выполнять.

– Понятно... – обронил прелат и прошел на ярус.

Пока колесо крутилось, Молчун подбирал длинные жерди, из которых намеревался сделать механизм поворота крыльев колеса. Он уже видел, что на ярусе стоят гости, но, пока они были наверху, их визит его не касался.

Но вот они стали спускаться во двор, и он отложил дела, чтобы встретить прелата как полагается.

– Здравствуйте, ваша светлость, – произнес Молчун и низко поклонился.

– Здравствуй, умелец! – весело ответил прелат и снизу вверх посмотрел на колесо. – Рад слышать твой голос, думал, не услышу никогда. А ты меня не помнишь?

– Нет, ваша светлость. Сегодня повстречал один раз, но господин Рулоф много вас описывал.

Тревис и другие телохранители, которых набралось во дворике более десятка, стояли справа и слева от прелата, держа руки на рукоятках мечей.

Они уже знали о возможностях этого невольника, поэтому на ярусе дежурили еще четверо солдат с арбалетами.

– А кто же тебе такие сапожки ладные справил, сам? – спросил прелат, указывая на обувь невольника.

– Сам, ваша светлость. Я умею это шить обувь.

– Да и костюм на тебе другой, прошлый-то, из мешковины, я видел.

– Да, ваша светлость, я сшил из того, что было остатками паруса. Так более надежно.

Прелат восхищенно покачал головой. Будучи человеком основательным, хозяйственным и расчетливым, он ценил людей, разбирающихся в каком-либо ремесле, и всегда выделял их среди своих слуг и невольников.

– Вижу, ты в колесо свое как будто косые паруса вставил?

– Да, ваша светлость. Лучшее отсутствует, и я брал парусину.

– А что, по-твоему, лучшее?

– Лучшее – тонкие гнутые доски, но это дольше делать. Нужно мочить и горячий пар.

– А чем же доски лучше паруса? – поинтересовался прелат, глядя на вращающееся колесо.

– Ветер значительно дает им силу, ваша светлость.

– Ага... – ответил прелат, кивая, хотя ничего не понял. Он прошел к домику невольника и, заглянув внутрь, поразился царившей там чистоте.

– Хорошо, – сказал он, возвращаясь к Рулофу и Молчуну. – Ты вот что, Молчун, собирайся, поедешь со мной. На водочерпалке тебе больше делать нечего.

– Как прикажете, ваша светлость, – поклонился Молчун.

– А ты не горюй, – сказал прелат, повернувшись к Рулофу, который сразу загрустил. – Я тебе пришлю молодого плотника, будешь его обучать своим премудростям, научишь зубчатые колеса собирать и все такое. Ну, а как освоитесь, Молчун вам про доски тонкие расскажет, и вы соберете новое колесо. Правильно, мастер?

– Я могу делать чертеж, ваша светлость, – с поклоном сказал Молчун и, видя замешательство на лице Рулофа, добавил: – Понятный чертеж.

– Все, пора ехать! – объявил прелат и пошел к лестнице. Охранники и Молчун поспешили за ним, а погрузневший Рулоф поплелся следом.

Только в его жизни наметились какие-то перемены – и снова одиночество. Да, прелат обещал прислать ученика, но его светлость занят многими делами – а ну как забудет?

Когда подошли к лошадям, прелат остановился и, указав на Тревиса, сказал:

– Возьмешь его на круп, твой жеребец самый выносливый.

– Конечно, ваша светлость, – поклонился Тревис и бросил на невольника злой взгляд. Он попытался найти во внешности раба хоть какую-то зацепку, чтобы начать его ненавидеть, но невольник улыбнулся Тревису, и тот только покачал головой.

– Поехали! – скомандовал прелат. Тревис забрался в седло и чуть сдвинулся вперед, освобождая место для невольника.

– Я напомню для прелата, чтобы он надавать тебе помощника... – быстро проговорил Молчун и хлопнул Рулофа по плечу.

Затем одним прыжком вознесся на круп жеребца, от чего тот слегка присел.

– Но-но, Чипан! Держи, так тебя разэдак! – закричал Тревис и острыми шпорами заставил жеребца выпрямиться.

Вскоре от отряда Гудрофа на дороге осталась только пыль. Рулоф плюнул на обочину и зашагал обратно к водочерпалке.

Заметив на каменной ограде большую ворону, он схватил камень и закричал:

– Убирайся пока цела, тварь!

Ворона давно жила в этих местах и знала, что, когда Рулоф в таком настроении, с ним лучше не связываться. Она вздохнула, оттолкнулась лапами от ограды и полетела прочь.

20

Молчун давно не ездил верхом, а точнее – никогда, ведь он не помнил, когда делал это в последний раз, правда, все ощущения, даже при посадке вторым в седле, были ему знакомы. Он старался лучше держаться за лошадь ногами и не хвататься за всадника, понимая, что тому неприятно везти на своей лошади навязанного прелатом пассажира.

Отряд двигался скорой рысью и через полчаса прибыл к большому замку, бывшему, судя по флагом, главной ставкой прелата Гудрофа.

– Слезай, голубчик, прибыли! – скомандовал Тревис, и Молчун соскочил на мостовую, хотя до замка было еще ярдов пятьдесят.

Сам не помня откуда, он знал, что доверие низших чинов так же важно, как и расположение начальников.

На замковом подворье царила суeta, вдоль стен стояло с полусотни подвод, на которые грузили мешки, тюки, лопаты и рулоны кож. Не успел прелат спешиться, как к нему подбежали несколько человек за распоряжениями. Он уверенно их отдал, вручил повод конюхам и огляделся.

Заметил Молчуна и поманил пальцем, но, едва невольник подбежал к нему, рядом оказался Тревис.

– Тревис, отведи новичка в казарму, и пусть ему подберут хороший мундир, – сказал прелат, еще раз с ног до головы оглядев Молчуна.

– Слушаю, ваша светлость.

– И пусть цирюльник его пострижет, а брить не надо, и так хорош.

– Сделаем, ваша светлость.

– Ну все, идите, – сказал прелат и вступил в беседу с еще несколькими приказчиками и распорядителями.

Тревис взял Молчуна за локоть и потащил прочь.

– Давай за мной, а то потеряешься. Здесь сейчас такая толчея, что и затопчут.

Молчун пошел за Тревисом, с интересом поглядывая на суетящихся вокруг людей.

Вдвоем они обошли главное строение замка, где находились жилые помещения прелата, и оказались перед трехэтажной пристройкой, служившей жильем гвардейцам.

Здесь было спокойнее и тише. Гвардейцы при виде Тревиса вытягивались и отдавали честь, хотя на его мундире не было никаких знаков отличия.

– А ты правда ничего не помнишь? – спросил Тревис, когда они стали подниматься по ступеням.

– Из дальнего прошлого ничего. Но, думаю, очень все исправится, – ответил Молчун.

– Сапоги сам пошил?

– Да, правильно, но откуда у меня это ремесло, не спрашивайте, господин Тревис. Пока не помню.

– Ясное дело, не помнишь, коли даже имя собственное тебе неизвестно. Однако по-нашему говоришь сносно.

– Стараюсь освоиваться, господин Тревис, – учтиво ответил Молчун.

– Нам туда, – сказал Тревис, когда они оказались в сумрачном коридоре, где сэкономили свечи. – Надеюсь, Ратмир еще трезв...

– Ратмир – суконщик?

– Нет, цирюльник.

– Пьяный цирюльник – страшный человек, – пошутил Молчун.

– Не бойсь, – усмехнулся Тревис. – Он как бритву в руки берет – разом трезвеет. Правда, еще нужно, чтобы он смог ее взять...

Они свернули на узкую лестницу и поднялись на второй этаж.

– Эй, Габбе! – позвал Тревис.

– Господин сержант? – отозвался суконщик, появляясь из какой-то ниши по пояс голый, с куском вареной свинины в руках.

– Мой руки и открывай кладовые, нужно этого человека одеть.

– Этого? – уточнил кладовщик, подходя к Молчуну.

– А ты видишь здесь других?

– Нет, господин сержант, не вижу. Сейчас приоденем.

Кладовщик ушел к себе в нишу и вскоре вернулся в помятом мундире и с большой связкой ключей. Он еще раз оглядел новичка и повторил:

– Сейчас приоденем.

В просторной кладовой пахло сушеной полынью и старым салом. Сквозь зарешеченные окна внутрь попадало достаточно света, чтобы разглядеть развешанные на стенах мундиры разной степени поношенности.

Некоторые были недавно сшиты, другие, напротив, держались на одних нитках, однако все эти вещи были тщательно вычищены и отглажены.

На массивном, потемневшем от времени столе были разложены полдюжины круглых кирпичей, на которых стояли угольные утюги различных моделей и назначения.

– Ну что, под кого одевать будем? – осведомился Габбе.

– Раз его светлость сам распорядился, значит, ряди под графа, – сказал Тревис.

– Да нам хоть под принца... – невозмутимо отозвался суконщик и начал подбирать Молчуну вещи.

Когда комплект из исподнего, штанов, сапог и мундира со шляпой был подобран, невольник освободился от своей старой одежды, которую Габбе сейчас же повесил на дубовую вешалку и убрал в шкаф, отметив, что одежда простая, но сшита добротно.

– Ну разве тебе не граф? – спросил Габбе, одергивая полы надетого Молчуном мундира и проходясь по нему щеткой.

– Ну-ка, покрутись, прогуляйся, – сказал Тревис, и Молчун прошелся, показывая обновку.

– Неплохо, мундир на тебе как влитой. Ты что, раньше солдатом был?

– Не помню, – ответил Молчун, пожав плечами.

– Ну да, конечно.

– А пуговицы-то чистая медь! – заметил Габбе. – Никакого тебе олова.

– Порядок, – согласился Тревис.

После кладовщика пришло время идти к цирюльнику. Он нашелся здесь же, всего в нескольких шагах от кладовой, и был не слишком пьян.

– Ух ты, какой разряженный! – воскликнул Ратмир, одетый в кожаный жилет и синие штаны с золотистым лампасом.

– Нужно прическу подправить, чтобы как солдат, а не это самое... – сказал Тревис.

– Дык дело-то знакомое, – ухмыльнулся цирюльник и дыхнул на Молчуна вчерашним и уже сегодняшним перегаром. – Снимай мундир, а то перепачкаем... кровью.

Заметив удивление в глазах новичка, он счастливо засмеялся.

– Мылом, мылом, конечно! Неужто ты меня за косорукого держишь?.. Сейчас сделаем.

И Ратмир принялся точить бритву на ремне.

– Брить не надо, только подстриги, – напомнил Тревис.

– Не учи меня. Ты клиента привел, остальное моя забота.

Тревис вздохнул, ослабил ремни на кирасе и вышел в коридор подождать. Спорить с цирюльником было бесполезно.

21

Вскоре Молчун был чисто выбрит, подстрижен, а надев мундир, стал еще больше походить на образцового гвардейца.

– Ну что же, можно прямо сейчас на императорский смотр, – сказал Тревис, оставшийся довольным видом новичка. – Ну, пойдем, покажемся его светлости, а то я не знаю, что мне с тобой дальше делать.

Они вернулись на шумное подворье, откуда то и дело выезжали подводы, а им на смену приходили порожние.

– Его светлость корабли готовит, на землю новую ехать, – пояснил Тревис.

– Далеко?

– Говорят, дня четыре, но я там никогда не был. С соседом нашим, прелатом Илкнером, сговорились поменяться, мы им малую ближнюю отдадим, а они нам – дальнюю большую. Ну-ка постой...

Тревис остановился и сдвинул шляпу Молчуна чуть набок.

– Вот так у нас носят.

– Спасибо, господин Тревис.

Проталкиваясь между подводами и пропуская нагруженных поклажей грузчиков, они миновали самую тесную часть подворья и вошли под своды замка. Молчун ожидал увидеть серые стены и высокие закопченные потолки, но оказалось, что изнутри замок побелен, а залы в большинстве своем были «для полезности» перехвачены перекрытиями. Лишь каменная лестница все еще хранила на себе признаки былого величия, и ее первый марш был украшен скрывавшимися в нишах скульптурами мифических воинов, а на стенах висело не менее полусотни потемневших от времени портретов предков прелата Гудрофа.

Но уже за поворотом, на следующем марше все поменялось. Ступени здесь прикрывал мягкий ковер, ниши были завешаны гобеленами, а на стенах, по новой моде, висели яркие пейзажи с видами местных холмов, гор и водопадов. Молчун заметил, что основная часть пейзажей была выполнена на шелку в незнакомой ему технике.

В коридоре второго этажа, выбеленном особенно тщательно и освещенном лампами с чистыми стеклянными колпаками, из библиотеки навстречу Тревису и Молчуну неожиданно вышла девушка.

Заметив ее, Тревис встал к стене, и Молчун последовал его примеру.

– Здравствуй, Тревис, – на ходу бросила Амалия.

– Здравия желаю, ваша светлость!

– Стоп, – сказал себе Амалия и остановилась напротив новичка. – Кто он, Тревис, где я могла его видеть?

Главный телохранитель растерялся, мысленно перебирая возможные места, где дочь прелата могла видеть Молчуна.

– Э-э... Представься ее светлости... – буркнул он, не придумав ничего лучше.

Новичок на мгновение замешкался, затем сдернул шляпу и поприветствовал Амалию, поведя шляпой по полу и сделав ногами несколько замысловатых движений, как будто танцуя.

Амалия и Тревис переглянулись.

– У меня нет имени, ваша светлость, все зовут меня Молчуном. Я невольник его светлости прелата Гудрофа, – сообщил новичок, прижимая шляпу к груди и глядя в пол, как и подобает невольнику.

– Не может быть! – воскликнула Амалия. – Ты тот самый вонючка?

– Видимо, да, ваша светлость, – скромно подтвердил Молчун, и Амалии вдруг стало неловко, что она сморозила такую глупость.

– Ой, извини меня, я не это имела в виду... – сказала интресса, но тут же поняла, что просит прощения у раба. – Да что ты себе позволяешь?! – закричала она, понимая, что теперь выглядит еще более глупо. – Пошли вон, оба!

Тревис дернул Молчуна за рукав, и они поспешили к кабинету прелата, а Амалия сорвалась на бег и, скрывшись в своих покоях, смогла наконец перевести дух.

Затем подошла к зеркалу и придирчиво себя осмотрела.

– Платье какое-то дурацкое... слишком много складок... – пробурчала она. – А осанка? Я что, всегда так горблюсь?! А волосы? Так укладывают волосы только престарелые маменьки! Амалия, в таком виде ты выглядишь на все сорок лет!

Пока интресса высказывала своему отражению все, что она о нем думала, Тревис и Молчун шагали по коридору.

– Что-то непонятное происходит с интрессой, – покачал головой главный телохранитель. – Ты с ней знаком, что ли?

– Как можно, я простой раб, – возразил Молчун, и Тревис с ним согласился, однако объяснения такому поведению молодой госпожи он найти не смог. Она часто кричала на слуг, всегда чувствуя себя правой, как и положено дочери прелата, но славилась также отходчивостью и щедростью к обиженным.

При виде Тревиса стоявшие у дверей гвардейцы вытянулись. Он не являлся их прямым начальником, но как главный телохранитель прелата имел в замке немалый вес.

Распахнув широкие двери, Тревис первым вошел в просторную писарскую, где за резными бюро корпели полдюжины писарей.

Секретарь прелата Кубилон строго взглянул на вошедших из-под кустистых бровей, расправил докторскую мантию и спросил:

– Вы по какому делу?

– Не знаю. Приказано прибыть и точка, – сказал Тревис, тем самым избавляя себя от объяснений с этим крючкотвором. Сняв шлем, он пригладил волосы и, коротко постучав, открыл дверь.

– Уже готовы? Заходи! – сказал прелат, вставая из-за массивного стола с резными ножками.

Тревис и Молчун вошли в кабинет, дверь закрылась.

– Что там за крики были, опять Амалия кого-то распекала? Писари так перепугались, что клякс понаставили.

– Это, ваша светлость, ихняя светлость вот его увидели. – Тревис осторожно кивнул на Молчуна, опасаясь, что тому теперь не поздоровится.

– Ах, вон оно что? – Прелат усмехнулся. – Ну, это старая песня, просто она его до сих пор зарезать хочет, но это пустое, девчоночий каприз. Итак, как же тебя придели-постригли-побрили?

Прелат обошел вокруг Молчуна и остался доволен увиденным.

– Очень неплохо, мундир подобран в самый раз, солдат получился исправный, по крайней мере с виду. Ты, конечно, не помнишь, был ли ты солдатом прежде, Молчун?

– Точно сказать не могу, ваша светлость, но военное дело мне знакомо, – ответил Молчун.

– Ну ничего, со временем подтянешься... Завтра мы отплываем проведать новополученные земли, тебя я беру с собой. Про морское дело чего-нибудь знаешь?

– Про паруса знаю, ваша светлость, должно, и про остальное понятие имею.

– Согласен, по-другому и быть не может. Итак, Тревис, поди укажи ему угол в своей казарме, пусть пока располагается. Да, ему еще имя придумать нужно...

Прелат заглянул невольнику в глаза, надеясь заметить волнение, но Молчун был спокоен.

– Когда вспомнит собственное, будет носить его, а пока дадим ему другое, достойное. Что порекомендуешь?

– Помните Вильяма-Козопаса, ваша светлость?

– Как же не помнить? Наш герой, в неравном бою зарубил пятерых кавалеристов Илк-нера, но пал от стрелы.

– Так давайте назовем его Козопасом!

– Нет, Тревис, так нельзя. Ну зачем нам Молчуна на Козопаса менять? Вот ты – Тревис.

– Нет, я Тревис-Башмак, ваша светлость. Это мои люди меня так за глаза кличут, но я не сержусь.

– Был у моего дядюшки, прелата Макнила Форпста, верный оруженосец, и звали его Григ...

Прелат подошел к большому окну и посмотрел вниз, на сновавших по подворью людей.

– Я был ребенком, когда его не стало, они вместе погибли на Гантской войне, попав в окружение, их нашли в какой-то яме.

Прелат вздохнул.

– Итак, мой новый гвардеец, ты теперь будешь Григ. Или, если угодно, Григ-Молчун. Ну, как тебе?

– Мне нравится, ваша светлость.

– Ну, тогда до завтрашнего утра. Мы отплывем с первыми лучами солнца, поэтому разбудят тебя до света.

– Я готов, ваша светлость.

22

Запасного варианта у командира рейдерской эскадры Бена Лоренца не было, и все надежды он возлагал на купленный в Грассвиллидже фальшивый маяк.

О возможных последствиях неудачи Лоренц старался не думать, ведь о неразборчивости капитана пограничного крейсера «Алонсо» ходили легенды. Он пренебрегал тщательными проверками и вершил над нарушителями скорый суд, завершавшийся залпом из пушек. Оставалось надеяться на счастливый случай и порядочность чипмейкеров.

Продавца фальшивого маяка Лоренц лично не знал, его порекомендовал ему один знакомый – бывший офицер полиции. Когда-то он гонялся за мастерами фальшивых чипов и надолго прятал в тюрьмы, но, уйдя на пенсию, принял их сторону и начал рекламировать услуги этих мастеров.

Дело склеилось не сразу, поначалу мастер не доверял незнакомцам, и его можно было понять, ведь за изготовление фальшивого маяка ему светило двадцать пять лет. Однако и выгода ожидалась немалая, Лоренц заплатил ему восемьсот тысяч динаров, а за эти деньги он мог три месяца заправлять свою эскадру.

Прежде Лоренц никому таких денег не платил, он слыл человеком прижимистым. А если кто-то из кредиторов начинал надоедать, он посылал своих ребят, и дело быстро улаживалось.

Но одно дело воевать против кредиторов, и совсем другое – проскочить мимо крейсера «Алонсо», караулившего большую дыру в космической аномалии.

В других рубежных районах проходы прикрывались шустрými роутерами с привязчивыми капитанами. Они не гнушались лично досмотреть каждое судно, и проскочить мимо них было невозможно. А в районе ответственности «Алонсо» требовалось лишь предъявить разрешительный ордер, и капитан неповоротливого монстра давал «добро» на выход.

Именно поэтому Бен Лоренц выбрал этот путь. Обмани старину «Алонсо» – и гуляй смело, а не обманешь...

– Сэр, нас запрашивает диспетчерский пункт «Си-Бернардина», – сообщил связист. – Как нам представиться на этот раз?

– Сейчас мы геологи, – ответил Лоренц. Затем поднялся с командирского кресла и прошелся вдоль ряда навигационных приборов и расчетных блоков. На большом экране перед ним раскинулся космос, такой безграничный и такой тесный, если учитывать разные препятствия в виде границ, регистрационных пунктов и диспетчерских станций.

Иди куда хочешь, но сначала выправь документы.

Так было в прошлом, и, наверное, такой порядок будет всегда. С одной стороны, Лоренца раздражали границы и законы, а с другой – если бы все разрешалось каждому, на их рейдерской тропе было бы столько народу, что патронов бы не хватило ее расчистить.

Нет, пусть существуют законы, чтобы сдерживать большинство, а такие, как он, найдут возможность обойти их или подмять под себя, пока никто не видит.

На большом экране все еще оставалось темное пятно. Несмотря на замену рабочих пикселей, оно непостижимым образом проявлялось вновь, напоминая о своем происхождении.

Четыре года назад на этом мостике Бен Лоренц застрелил прежнего командира рейдеров – «генерала» Луи Батисто. Пуля прошла тело Батисто насквозь и повредила экран – Лоренц тогда слишком волновался и выбрал чересчур мощный пистолет.

Убийство он свалил на штурмана эскадры, который пару раз по пьянке обозвал Батисто свиньей, после чего был бит и тотчас прощен. Казалось бы, в это никто не должен был поверить, но подлог удался. Злоупотреблявшего алкоголем штурмана Лоренц застрелил в присутствии свидетелей, не дав сказать и слова в свое оправдание. Некоторым такая быстрая расправа

показалась подозрительной, но с ними Лоренц разобрался в первый же год своего правления и поставил на ключевые места преданных себе людей.

– «Пифия», ответьте «Леноксу».

– Слушаю тебя, Фред, какие проблемы? – отозвался Лоренц.

– Сэр, у нас снова проблема с нагнетателем в четвертом двигателе. Наверное, генератор сбоит!

– Мы держим средний ход, Фред, ты сможешь обойтись даже двумя двигателями.

– Это так, сэр, но стоит кому-то сесть нам на хвост, и я не смогу дать команду на форсаж...

– Не переживай, камрад, никто не сядет нам на хвост – это я тебе обещаю. Сходим на «поляну», потом будет ремонт. По-другому не получается.

– Хорошо, сэр. Средний ход мы можем держать, и даже полный, если понадобится...

– Вот и чудесно, Фредди.

– До связи, сэр.

– До связи, камрад.

Фредерик Гуклот командовал десантным кораблем «Ленокс», вторым по массоизмещению кораблем эскадры. Он таскал в трюмах сотню «веселой пехоты» и четыре броневика. «Пифия» брала значительно больше, поднимая весь склад эскадры, два танка «миркара», бригаду инженерных машин и четыре шагающих робота «куксдог», по двадцать шесть тонн каждый.

И «Ленокс», и «Пифия» располагали оборонительным вооружением – первый двумя, а вторая четырьмя башенными артиллерийскими установками, стрелявшими сфокусированными плазменными кластерами, но даже такое грозное оружие не могло отогнать серьезного противника вроде полицейских сил специального назначения или того хуже – друзей-конкурентов. Для подобных случаев приходилось содержать еще восемь истребителей «маскот», отлежавших положенные тридцать лет на резервных складах космического флота.

При некоторых связях и знаниях, кому и сколько заплатить, эти машины покупались за смешные деньги, однако держать их на крыле с полным боекомплектom было весьма накладно, поэтому все восемь «маскотов» пускались в ход лишь в крайнем случае и большую часть времени в разобранном виде лежали в трюмах «Пифии».

– Эй, парни, я пойду вздремну, а вы здесь смотрите в оба. Если что – вызывайте, – сказал Лоренц, обращаясь к штурману, связисту и артиллерийскому офицеру.

Все трое кивнули, и Лоренц покинул мостик, первым делом направившись в галююн.

Как только за начальником закрылась дверь, штурман достал из стола колоду засаленных карт.

– На что играем? – спросил артиллерист.

– Проигравшему стреляем в задницу деревянной пулей... – предложил связист, который жульничал лучше других.

– Нет, Стюарт, я не согласен, – возразил штурман.

– А чего тогда?

– Проигравший выпивает стакан окислителя.

– Вы что, от меня избавиться хотите? – напрямую спросил артиллерист.

– Да ладно тебе, Бруно, док за стеной спит, промоет в лучшем виде. У него этих касторок полные баллоны, сам видел.

– Ну ладно, сдавай...

23

За последние двое суток по дороге к морю проехало несколько сотен телег, доставлявших к причалам нужные на новых землях товары и амуницию, поэтому отряду прелата Гудрофа она досталась в разбитом состоянии, из-за чего в некоторых местах кавалерии приходилось объезжать образовавшиеся ямы по обочинам.

В первое посещение Калибазии Гудроф планировал лучше разведать дороги, построить несколько фортов и вернуться, оставив отряд из сотни гвардейцев во главе с опытным сержантом.

Во второй раз следовало завезти людей на развод, чтобы строили деревни и собирали сладкие эмцо. А также доставить счетовода и писаря, чтобы те блюли его интерес и не позволяли воровать сверх всякой меры.

Со временем прелат намеревался построить в Калибазии несколько сахароварен, чтобы производить ценный продукт на месте и доставлять судами уже готовый к продаже товар. По первым прикидкам, обмен с Илкнером обещал быть выгодным, если, конечно, покорить воинственные калибазийские племена. Впрочем, Гудроф намеревался замириться с ними, поскольку знал, что союзы, заключенные на основе финансовых отношений, работали лучше, чем военная сила. Но одно другому не мешало.

– Я поражаюсь тому, как легко ты держишься в седле, Григ, а ведь последние три года не видел ни одной лошади! – сказал прелат, повернувшись к новичку. – Обидно, что при таких разносторонних талантах ты не можешь вспомнить, кто ты таков!

– Я обязательно вспомню, ваша светлость! – пообещал тот и улыбнулся. Его жеребец держал уверенную рысь вровень с другими лошадьми и не пытался сбросить наездника, хотя и слыл в конюшне непутевым.

Вскоре тучи разошлись, солнце стало пригревать, и выпавший накануне снег начал таять, однако суглинки были позади и сырость дороге уже не вредила. Копыта лошадей взбивали легкий грунт песчаных наносов, бывших когда-то берегом моря, а прогретый встречный ветер начал доносить морские запахи, однако потребовалось скакать еще час, минуя перелески, балки и кустарник, прежде чем он основательно пропитался запахами йода и рыбацких сетей.

Море было все ближе, в небе появились беспокойные чайки, кричавшие так громко, словно никогда прежде не видали всадников.

Отряд выехал на высокий берег, откуда были видны катившиеся через бухту волны и стоявшие возле причала корабли. Они были большими, пригодными для погрузки гвардейцев и лошадей, а чуть дальше, у причалов попроще и пониже, размещались суденышки для рыбацкого промысла и сбора водорослей.

В одном месте обрывистый берег был специально срыт и замощен бревнами так, чтобы получилась твердая дорога. По ней отряд начал спускаться к причалу, где еще теснилось множество неразгруженных телег.

– Что у вас там, скоро закончите? – спросил прелат, подъезжая к кораблям ближе.

– Пенька осталась, ваша светлость! – ответил один из капитанов. – Сейчас закончим!

Прелат приказал войску спешиться, и Григ тоже сошел на бревна. Почувствовав на себе чей-то взгляд, он оглянулся и увидел Бакрута, одного из четверки гвардейцев, приходивших убить его по приказу интрессы Амалии. Тогда Григ перед всеми опозорил Бакрута, и видно было, что он этого не забыл.

– Опасайся его, – сказал оказавшийся рядом Тревис, смотревший как будто в другую сторону. – Он злопамятный, когда-нибудь обязательно попытается тебе отомстить.

– Откуда вы знаете о счетах между нами, господин сержант? – удивился Григ.

– Рассказали, – усмехнулся Тревис. – Это же гвардия. Будет случай – убей его, так тебе спокойнее будет.

– Ну-ка, разберись в колонну! – закричал один из распорядителей. – По одному на мостки – пошли!

Гвардейцы начали с лошадьми грузиться на корабли. Животные храпели и боялись качающихся мостков. Некоторых, особенно нервных, приходилось затаскивать на борт вчетвером, а то и вшестером.

Дело продвигалось медленно.

Прелат оставался на берегу с Тревисом и еще тремя телохранителями и оттуда руководил посадкой, указывая то на одно, то на другое упущение капитанов. Было шумно, лошади танцевали на мостках, гвардейцы ругались.

– Уздечку держи! – кричал распорядитель с красным лицом. – Я сказал – уздечку, а не подпругу! По-тя-ну-ли!

Солдаты дружно взялись, и очередная перепуганная лошадь застучала подковами по палубе.

Жеребец Грига повел себя на удивление спокойно, хотя знавшие его гвардейцы заранее предвидели неприятности. Но обошлось, Григ первым ступил на помост и за уздечку перевел за собой жеребца.

– Ишь ты, образумился, змей! – воскликнул кто-то.

– Просто хозяин ему нашелся, – сказал сержант, также знакомый Григу по схватке на водочерпалке.

24

Как ни старался прелат ускорить погрузку, как ни хлестал себя по сапогам стеклом, полностью приготовить корабли к отходу удалось лишь ближе к полудню.

– Ну наконец-то, великие реки, – сказал гвардеец, сидевший на скамье рядом с Григом. – Я уж думал, так и заночуем у берега.

– Сейчас осень, это опасно, – заметил Григ.

– Вот и я о чем. Вдарит волной – и все на дно, даже обидно потонуть возле берега.

– Ну хватит тебе, Седой, любишь ты страху нагнать, – из темного угла подал голос другой гвардеец.

– Да, Седой, этого у тебя не отнимешь, – согласился с последним еще один солдат. – Помнится, перед атакой у Кохти ты нас так Илкнерами запугал, что сотня едва назад не повернула.

– Не пугал я вас вовсе, а сказал только, что у них стрелки хорошие, так и что? Разве не прав был? Первую шеренгу выкосили, как корова языком...

– Страшная сеча была, – со вздохом произнес тот, что лежал в углу на соломе. – Я тогда даже клинок сломал и не заметил. Илкнеры хорошо дрались, хоть и жидковаты они на самом деле, но в тот раз... Ужас просто.

Налетевший порыв ветра ударил в снасти, волна качнула корабль и ударила о свисавшие с причала мешки с опилками.

– Навали-и-и-ись! – закричали на берегу.

Команда из дюжины мужиков уперлась в борт, и корабль начал медленно отходить от стенки.

– Закачало... – сказал кто-то.

По палубе застучали кованые башмаки матросов, заскрипели блоки, загудела от напряжения мачта, принимая на себя силу пойманного парусами ветра.

– А его светлость с нами? – спросил Григ.

– С нами, у него на носу богатый партамент со стекольными окошками, – пояснил Седой.

– Нам здесь тоже неплохо будет, – сказал солдат из угла. – Отхожее место на корме – чистое, воды-то пропасть. Дров много взяли, значит, горячее давать будут, а еще вина сладкого.

– Откуда сладкое-то, Притчет? – спросил кто-то.

– Оттуда. На море дают вино, чтобы кровь лучше гоняло.

– А почему ты знаешь?

– Я со второй ротой на Илкнеров десантом ходил, вот и знаю.

Через час разговоров и солдатских историй корабли вышли в открытое море и качка усилилась.

С палубы в трюм спустился один из телохранителей прелата Гудрофа.

– Григ-Молчун! Тебя к его светлости зовут!

Новичок вскочил со скамьи и, едва не ударившись о бимс, стал пробираться к выходу. Ступив на первую ступень, он оглянулся и у сквозного квадратного окошка снова увидел Бакрута. Тот поигрывал кинжалом, перебрасывая его из руки в руку, но, встретившись взглядом с Григом, отвернулся к окну.

«Помни и берегись – помню и берегусь», – вспомнил Григ невесть откуда прилетевшую фразу. Кажется, это было объявление войны.

Курьер ожидал новичка на палубе и, когда тот поднялся, махнул ему рукой и поспешил вдоль борта.

Свежий ветер ударил Григу в лицо, и он улыбнулся, поскольку эти ощущения были ему знакомы. Наверное, палуба, надстройки, снасти и паруса были тогда другими, а название судна звучало как «Аллакорда» или «Аврора», но море и качка были такими же.

Его светлость ожидал Григ в своих «партаментах», которые по сравнению с темными трюмами казались дворцом.

Миниатюрная судовая мебель, обшитые шпоном стены и пять широких окон с вязаными медью рамами.

Прелат сидел на высоком стуле возле одного из окон, а на пристенном столике перед ним лежала карта. Чуть поодаль двое слуг крутились вокруг отлитой в виде пузатого тритона чугунной печки, пытаясь разжечь в ней мелко поколотые дрова.

– Он здесь, ваша светлость! – объявил телохранитель, он же курьер.

– Пусть войдет, а ты карауль снаружи...

– Слушаюсь!

Телохранитель вышел, и в «партаменты», сняв шляпу, вошел Григ. Он плотно притворил дверь и поклонился.

– Подойди ближе и расскажи, как тебе понравилось на нашем корабле?

– Благодарю, ваша светлость, здесь намного интереснее, чем на водочерпалке, – признался новичок, останавливаясь в трех шагах от прелата.

– Тебе приходилось видеть карты? Подойди ближе...

Новичок подошел к столу и осторожно дотронулся до карты, вычерченной на телячьей коже. В ней использовалась тушь трех цветов, отчего карта выглядела очень нарядно.

– Да, ваша светлость, мне приходилось видеть карты, но они выглядели иначе...

Прелат кивнул. Если бы Григ стал отказываться, Гудроф ему бы не поверил, но невольник подтвердил свои знания. Пусть пока неосознанно, но подтвердил. Он выздоравливал, это было заметно по его глазам, становившимся живее, и вскоре прелат рассчитывал получить от Грига новости, которые можно будет использовать для собственной пользы.

– Скажи, Григ, тебе приходилось видеть летающие корабли?

Задав этот вопрос, прелат впился глазами в лицо невольника, стараясь не пропустить ни одного движения глаз или легкой гримасы.

– Нет, ваша светлость, едва ли можно представить себе такое, чтобы корабль мог летать.

«Не врет, – подумал прелат и разочарованно вздохнул. – Значит, действительно ничего не помнит. Слишком много вопросов к больному человеку, нужно дать ему время».

– Ну хорошо, а может, тебе знакомо название «черная колесница»? – спросил прелат, не удержавшись от еще одного вопроса.

25

Длинный корпус «Пифии» медленно втягивался в так называемый таможенный туннель – часть пространства, огражденную невидимой цифровой сетью. Жирная метка крейсера выглядела на радаре как затаившийся в центре ловчей сети паук, и непонятно было, атакует ли он в следующую секунду, или позволит потенциальной жертве уйти.

За «Пифией» следовали «Ленокс» и восьмерка истребителей «маскот». Медленно двигавшиеся корабли представляли для пушек «Алонсо» легкую добычу, но подразумевалось, что именно в этот момент радиосканеры пограничного гиганта снимали информацию с фальшивого чипа Бена Лоренца.

Командир эскадры, штурман, связист и артиллерийский офицер, не отрываясь, смотрели на колонку сменявшихся на экране цифр, указывавших этапы прохождения туннеля.

Пять процентов, девять, двенадцать... Несмотря на изменения диаграммы считывающего устройства, в которое был вставлен драгоценный чип, было непонятно, получает крейсер информацию или она до него не доходит. Ответных сигналов в диалоговом окне не появлялось, и это заставляло всех нервничать, ведь обычно никакими уточнениями «Алонсо» себя не утруждал.

Неожиданно цифры этапов остановились на тридцати семи процентах, а затем стали медленно отсчитывать обратный ход – это означало, что генеральный компьютер крейсера увеличивал проверочную дистанцию. Видимо, что-то ему было непонятно.

Лоренц перестал дышать, его спина взмокла.

– Да что же он делает, сволочь?! – не выдержал любивший выпить штурман.

– Молчать... – негромко сказал Лоренц. Говорить громче он боялся, ему казалось, что на крейсере могли услышать.

– Что происходит, сэр?

Это был капитан «Ленокса» Гуклот.

– Пока не знаю, Фред, – как можно спокойнее ответил Лоренц. – Думаю, они малость зарапортовались, хотят проверить заново.

Откатившись к двадцати восьми процентам, эскадра снова начала двигаться по дистанции. Лоренц осторожно перевел дух и взялся за спинку кресла, намереваясь сесть, но пока не решился.

Вот они прошли рубеж в тридцать семь процентов, но уже на тридцати девяти снова споткнулись и, чуть постояв, покатались обратно.

Лоренц судорожно сглотнул и вытер рукавом лицо. Он представлял себе это совсем иначе.

– Сэр, а пропуск у нас надежный? – спросил артиллерийский офицер, видевший, как командир эскадры истекает потом.

– Надежный, Бруно, не мешай, пожалуйста, – подчеркнуто вежливо ответил Лоренц, однако сам уже ни в чем не был уверен. Неужели чипмейкер, сука, обманул? Неужели положил в карман восемьсот кусков и отправил клиентов поджариться?

Лоренц уже слышал лязг зарядных барабанов, досылающих снаряды в казенники двадцатидюймовых орудий, и равнодушные лица артиллерийской прислуги, тяготившейся непонятной и малоинтересной службой. После залпа – ужин и кино.

«Равнодушные мерзавцы», – прикрыв глаза, мысленно выругался Лоренц.

Теперь он представлял себе артиллеристов крейсера спокойно ужинающими порошковым картофелем, в то время как ионизированная пыль от его эскадры разлетается по космосу со скоростью света.

Мелодично пропел электронный гонг, Лоренц открыл глаза и увидел продольные голубые полосы там, где на экране только что была схема туннеля.

– Прошли, сэр! – выпалил штурман.

– Ну... разумеется, – как можно спокойнее ответил Лоренц, однако от всего пережитого его голос сорвался.

Командир эскадры откашлялся, достал из кармана измятый платок и, тщательно вытерев лицо, включил внутриэскадренную связь.

– Эй, на «Леноксе», как долго сможете держать полный ход?

– Часов десять, сэр, – ответил Гуглот.

– Отлично, думаю, этого будет достаточно.

Лоренц повернулся к штурману:

– Достаточно, Тони?

– Так точно, сэр. К этому времени мы как раз окажемся между Сальего и Камеруном.

– Хорошо, «Ленокс», стартуйте, мы догоним вас, как только возьмем на сцепку «маскоты»... – пообещал Лоренц. Затем вызвал по внутренней связи начальника швартового отделения: – Эй, Хук, готовьтесь крепить «маскоты»!

– Да, сэр, мы их уже вызвали.

– Сколько вам понадобится времени?

– Четверть часа, сэр.

– Когда все будет готово, доложи.

– Слушаюсь, сэр!

Через четверть часа, когда «маскоты» были крепко пристегнуты к сцепкам на корме «Пифии», двигатели главного корабля эскадры начали работать на полную мощность, разгоняя его следом за далеко ушедшим «Леноксом».

26

Вечером вместе с двумя гвардейцами Григ был отряжен ухаживать за лошадьми, сгребать при свете фонарей навоз, давать животным овес и воду.

Своему жеребцу Григ принес оставшийся от ужина кусок сахара, и в благодарность за это конь прихватил хозяина губами за ухо. Было щекотно, Григ засмеялся.

– Не балуй его, а то не ты на нем – он на тебе ездить будет, – предупредил один из гвардейцев.

Потом они взялись за работу и примерно за час сумели накормить животных и собрать в кучу весь навоз – оставалось выбросить его за борт.

– Давай передохнем, – предложил Ришар-Торопыга, и они уселись на тюки прошлогодней соломы, годившейся только на подстилку.

– Эй, Григ, а это правда, что ты человек из земли иностранной?

– Правда.

– А какой земли?

– Пока не помню – хворый я.

– Хворый?

Гвардейцы недоверчиво переглянулись. Только что Григ таскал колоды с овсом, и не видно было, чтобы устал.

– Просто я еще не все про себя помню, – пояснил он, видя недоверие товарищей.

– И давно не помнишь?

Ришар похлопал по морде высунувшуюся в проход лошадь.

– Люди говорят – три года, но сам я не помню.

Гвардейцы снова переглянулись и покачали головами. Им случалось быть в боях и получать раны, но чтобы надолго терять память – такого случая они не припоминали.

– А это правда, что ты Бакрута голыми руками побил? – спросил другой гвардеец, заранее предвкушая интересный рассказ.

– Да не побил вовсе, только меч отнял, и все дела.

– Ишь ты, все дела! Да Бакрут у нас один из лучших, длинный, жилистый, за ним на поспеешь, а кинжалом он три дюймовые доски разом прошибает. Во как, а ты говоришь – только меч отнял.

– Ты, Григ, не спи ночью, – посоветовал Ришар, поднимаясь с тюка. – А то Бакрут тебя зарежет, он обид не прощает.

– Да, – подтвердил другой гвардеец. – Не спать самое лучшее, а то до берега не дотянешь.

Закончив с уборкой, солдаты начали расставлять корзины из-под соломы, и в этот момент в проходе мелькнула чья-то тень. Ришар со вторым гвардейцем забеспокоились.

– Ты это, Григ, расставь корзины сам, дело-то не трудное, а мы отлучимся по нужде.

– Идите, – ответил новичок и понес вдоль стойл стопку корзин.

– И фонари прихвати! – с палубы крикнул Ришар.

– Прихвачу.

Малозаметный силуэт отделился от подпорного столба и, прячась от света, стал двигаться в сторону Грига, пока тот неспешно расставлял корзины, в которые следующая смена уборщиков должна была складывать потраченную солому и навоз.

Шаг, еще шаг, еще... Незаметный в тени человек продолжал подкрадываться, сжимая в руке верный кинжал.

Пахнуло свежим навозом.

«Все бы вам гадить», – мысленно выругался Бакрут.

Вот и цель. Осталось замахнуть, нанести удар, скинуть тело за борт – и никаких следов. Море все покроеет.

Бакрут поудобнее перехватил кинжал, сделал еще полшага и... потерял цель. Желтоватый полумрак, так хорошо скрывавший его в конюшне, сыграл с ним злую шутку – расплывчатая цель совершенно растворилась.

«Да куда же он подевался?» – спросил себя Бакрут, перебирая по рукояти пальцами. Он уже собрался пройти чуть дальше, как вдруг его кисть попала в плотный захват. Бакрут вскрикнул, выронил кинжал и попытался освободиться, но тут его горло сдавили с такой силой, что он увидел далекие звезды.

– До берега недалеко, если умеешь плавать – шанс у тебя будет, – сказал Григ и ослабил хватку, чтобы Бакрут мог подышать. – И мой тебе совет: окажешься в воде – сразу снимай сапоги. Понял?

Бакрут моргнул веками.

– И не нужно кричать, иначе я тебя прирежу – даже в воде.

Григ продемонстрировал Бакруту его собственное оружие, клинок тускло блеснул перед бывшим хозяином, словно прощаясь.

Вскоре послышался плеск воды, и ожидавшие неподалеку Ришар-Торопыга и его товарищ вернулись к конюшенной надстройке, чтобы забрать фонари.

На новичка, ясное дело, они уже не надеялись. Возможно, он был хорошим человеком, но связываться из-за него с Бакрутом никто бы не стал. Но каково же было удивление гвардейцев, когда они нашли новичка невредимым.

– Григ? Ты это... – Ришар едва не потерял дар речи. – Мы шли тебе помочь, а ты сам справился?

– А чего там справляться, работа-то пустячная...

– И то верно. – Ришар с товарищем переглянулись.

– Куда эти фонари девать?

– Давай мы заберем...

Гвардейцы взяли у Грига лишние фонари и двинулись вдоль борта к жилому трюму.

Один за другим они спустились в душноватое помещение, где тлею еще несколько подвесных фонарей. Григ вернулся на свою скамью, снял шляпу и пояс с оружием, которого у него раньше не было.

В трюме повисла тишина, все знали, что Бакрут пошел посчитаться с обидчиком, хотя он, понятное дело, об этом не объявлял. А теперь новичок вернулся с его оружием – значит, Бакрута ждать уже не следовало.

– Ну все, смена вернулась, значит, всем спать! – объявил сержант, и в трюме один за другим стали гаснуть фитили.

Григ зевнул и, сняв сапоги, улегся на свою скамью. Он знал, что этой ночью ему ничего не грозит, и оттого испытывал облегчение.

27

В режиме консервации энергии в кабину «маскота» подавалось совсем немного, однако Теда Ландберга это не беспокоило, поскольку у него была бутылка солдатского джина.

Пойло, конечно, мерзкое, и, будь Тед на твердой поверхности какой-нибудь коммерческой станции, а тем более планеты, он выбрал бы что-нибудь получше, но здесь, в космической темноте, годилось любое горячее.

На закуску два кекса из сухого пайка, а в качестве стакана – крышка от плафона из хвостового отсека.

Антенна навигатора принимала обрывки сигналов коммерческого телевидения, так что Тед чувствовал себя в полном порядке. Да, было холодно, но он разложил пилотское кресло, укутался аварийным одеялом и приготовился смотреть шоу с раздетыми девками.

На каком языке оно велось, понять было невозможно, помехи полностью заглушали звук, но Теда это не смущало, первые же несколько глотков рома давали надежду на хороший вечер.

Самым сложным было убедить помощника боцмана в том, что ему, Теду, необходимо остаться в кабине, в то время как другие пилоты перебрались на борт «Пифии».

«Вы знаете, сэр, я малость захворал...»

«Ну так давай в медбокс, здесь ты совсем захиреешь!»

«Нет-нет, сэр, это моя собственная болезнь – внутренняя. Меня сейчас главное не трогать, я отлежусь часика четыре и утром как огурчик буду».

«А что такое огурчик?»

«Я родом с Бахтирсабая, там у нас огурцы выращивают. Это такие зеленые...»

«Ладно, оставайся, но если поплохее – сообщи, мы тебя заберем».

«Непременно, сэр, большое спасибо».

Вот так Теду удалось провести помощника боцмана.

К ним на борт только попади, сразу проверят рюкзак, потребуют дыхнуть, да еще мыться отправят. Им в каждом грязнуля мерещится, а если у человека аллергия на мытье, может такое быть?

А тут какая красота! Свобода и полная независимость!

Тед обвел посоловевшим взглядом свои невеликие владения и облегченно вздохнул. Последние три года кабина истребителя являлась его родным домом. Здесь было все, что требовалось для жизни, а еще несколько блоков прицеливания и скандастер для определения гравитационных аномалий. А еще этот прибор хорошо ловил корабли-невидимки, которым удавалось обманывать даже радары.

Залпом выпив полплафона, Тед закусил четвертинкой крохотного кекса.

– Вроде мылом пахнет... – произнес он вслух и понюхал кекс, однако после пары глотков такого пойла обоняние отбивало напрочь и разобрать какие-то нюансы было невозможно.

– Как же я тебя люблю! – с чувством сказал Тед, обращаясь к своему истребителю. Он отбросил аварийное одеяло и передвинулся к панели.

Вот тут, справа – кнопка активации артиллерии. Четыре пушки калибра семьдесят пять миллиметров, скорострельность пять тысяч выстрелов в минуту и двенадцать тысяч снарядов в запасе. Ну кто устоит перед такой мощью?

– Эх, и силен же ты, зараза, – восхищенно произнес Тед, похлопывая по панели управления. Затем потянулся за бутылкой, отхлебнул прямо из горлышка и начал вспоминать, как работала его артиллерия последний раз.

Это случилось над лазурными волнами Аравайского моря на планете Таррио из Четвертой системы. Задача была поставлена четко – повредить борт круизного лайнера «Ибица» и

замедлить его ход. Но только повредить, чтобы облегчить перегрузку товара на корабль-перехватчик, где уже дожидалась работы «веселая пехота» Бена Лоренца.

Вот это была потеха! Сначала заход над управляющими надстройками и шквал огня – обломки взлетали на сотню метров! Потом разворот, и он красиво прошелся вдоль борта, вспарывая обшивочные листы. Всего несколько секунд работы, а какое удовольствие!

Уже сверху он потом наблюдал, как вылавливают из воды малолетних шлюх. Их подняли почти полторы тысячи штук, а затем продали на черном рынке в Бильбао, в среднем по семь тысяч динаров за каждую.

Поскольку Тед хорошо справился с работой, ему перепало двадцать тысяч бонуса и еще ночь с какой-то дурочкой с «Ибицы». Однако это было не так интересно, как он ожидал. Девушка находилась под действием наркотиков, поэтому все время называла его то Марком, то «господином учителем».

Если бы ему предложили выбор, он был легко сменял это жалкое мочало на еще одну атаку. Чтобы пушки ревели, чтобы ответный огонь и мокрая от пота майка. Вот как он любил!

Тед вздохнул и погладил переключатель выбора ракетного оружия. Тут у него были стофунтовые «карандаши», снимавшие любую цель на дистанции в пятьдесят километров, и «поросята» весом в девятьсот фунтов – эти могли вскрыть такую посудину, как «Ленокс» или даже «Пифия». Чаше Тед пользовался «карандашами», «поросята» стоили очень дорого, да и цели для них появлялись редко.

Лишь один раз они тремя «маскотами» ходили на перехват товарного конвоя, когда какой-то толстосум заплатил Лоренцу за уничтожение транспортов конкурента.

В тот раз израсходовали весь боезапас до последней железки. Правда, стреляли с дистанции в сотню километров и результаты наблюдали только на радарх и видеохабах. Но тоже хорошо, всплески были такие, что экраны висли.

Так, погружаясь в воспоминания и прихлебывая из бутылки, Тед проводил свой свободный вечер. Сцепку потряхивало на гравитационных ухабах, экран навигатора потрескивал помехами и демонстрировал шоу на неизвестном языке.

В какой-то момент Тед выронил бутылку, громко всхрапнул и забылся тяжелым сном.

28

Утро выдалось ясное, с севера дул холодный ветер, приносивший редкие колющие снежинки. Корабли продолжали двигаться в полумиле от берега, и пока ничто не вынуждало их уходить в море.

Перед завтраком капитан корабля приходил к прелату на доклад и заверил, что никаких ухудшений погоды не предвидится.

– Горизонт блеклый, ваша светлость, к полудню придут облака, к вечеру они потяжелеют и пойдет дождь. Станет мокро, но и только...

– Хорошо. Значит, до вечера у нас просто прогулка морем, – сказал прелат и посмотрел на свои подшитые кожей войлочные туфли. По всему выходило, что он мог не надевать сапог целый день.

– Какие-нибудь пожелания, капитан Блоут? – спросил прелат, видя, что капитан хочет сказать что-то еще.

– Ваша светлость, прикажите перевести шесть лошадок в кормовой трюм, а то у нас корма баттерфляем ходит. В прежние походы мы воды больше брали и был полный порядок, а сейчас путь недалек и без запаса воды корма подсакивает.

– Скажите сержанту-распорядителю, что я велел перевести лошадей, и он сейчас же все исполнит.

– Благодарю, ваша светлость. Я могу идти?

– Идите, капитан.

С камбуза принесли завтрак – горячую овсянку, омлет с зеленью, несколько свежих булочек и томленное с ванилью молоко. В дороге прелату хватало и этого.

После завтрака его настроение улучшилось, он накинул шерстяной плащ, взял шляпу и в сопровождении Тревиса вышел на палубу.

Вряд ли кто-то мог угрожать его светлости на его собственном корабле, однако телохранитель находился неподалеку.

Прелат встал у правого борта и стал смотреть на море. Если бы не постоянные заботы, от этого короткого похода можно было получить немалое удовольствие.

Послышалось ржание потревоженных лошадей, которых переводили в другой трюм. Возле кормы вдоль бортов стояли гвардейцы, среди них прелат заметил Грига.

– Позови мне его, Тревис.

– Новичка, ваша светлость?

– Да, его...

Телохранитель тотчас помчался выполнять приказание, перепрыгивая через бухты канатов и проскакивая под снастями.

«Проворен», – подумал Гудроф и снова отвлекся на море.

Паруса издавали ровный шелестящий шум, мачта слегка поскрипывала, и эти звуки напомнили прелату о таком же путешествии в далеком детстве. Тогда все для него было в диковинку.

Вскоре, в сопровождении Тревиса, подошел Григ, и телохранитель удалился, чтобы не мешать беседе.

– Доброе утро, ваша светлость, – поздоровался новичок.

– Здравствуй, Григ. Как тебе спалось на корабле – не укачало?

– Нет, ваша светлость, у меня хороший вестибулярный аппарат.

– Что у тебя хорошее? – не понял прелат.

– Н... – Григ пожал плечами. – Я к такому привычен.

– Да, я заметил, что ты ходишь по палубе довольно уверенно. Часто приходилось бывать в море?

– Не думаю, что очень часто, ваша светлость, но что такое паруса – я знаю. Имею понятие, как ловить ветер, проверять лотом глубину. Одним словом, что-то знаю...

– Погоди минутку...

Прелат отошел к Тревису и негромко спросил:

– Откуда у него оружие?

– Я не знаю, ваша светлость. Прикажете разоружить?

– Не нужно. Просто найди сержанта Рутберга, и пусть даст тебе объяснение. А ты потом доложишь мне. Иди.

– Уже иду, ваша светлость, но сдастся мне, я знаю, чье это оружие.

– Чье же?

– И меч, и кинжал, и пояс – все принадлежит Бакруту.

Превозмогая желание обернуться и рассмотреть оружие на поясе Грига, прелат вздохнул.

– Ты же понимаешь, что ни один гвардеец не расстанется со своим оружием добровольно...

– Конечно, ваша светлость.

– Ну так иди и выясни. Мне нужны подробности, я не потерплю на своем корабле никаких беспорядков.

– Но, ваша светлость, я опасаясь, что...

– Иди!

Тревис поспешил на корму, а прелат вернулся к Григу.

– Я уже спрашивал тебя, но... может быть, ты теперь что-то вспомнил...

Прелат пристально посмотрел на Грига.

– Спросите еще раз, ваша светлость, может, я действительно что-то вспомнил, – согласился Григ. – Мне кажется, что сегодня я помню уже больше, чем вчера.

– Ну, хорошо.

Прелат покосился на руки новичка – далеко они от оружия? Кто знает, что взбредет ему в голову, ведь он нездоров?

– Ты, я вижу, чисто выбрит... – издали начал прелат.

– Я наточил кинжал, ваша светлость, а вместо мыла взял немного масла из лампы.

– Что ж, похвально. Наши солдаты в отсутствие цирюльника, к сожалению, редко занимаются собой по доброй воле.

– Спасибо за похвалу, ваша светлость, но если бы я еще мог почистить зубы...

– Почистить зубы?

Прелат удивленно посмотрел на Грига, затем бросил взгляд на возвращающегося Тревиса. Почему он так долго? Прелату показалось, что Григ бредит, ведь ему требуется почистить зубы! Каково?

– И как же ты чистишь зубы? – осторожно просил прелат.

– Лучше специальной щеткой, ваша светлость, но можно и пальцем, была бы паста.

– Паста?

– Да, на водочерпалке я приготавливал ее из толченого мела и свежей мяты. Но можно использовать и отвар.

– Вот как? А какой же смысл во всем этом?

– В ощущении свежести, ваша светлость. Во рту.

«Нет, кажется, он не бредит, взгляд вполне осмысленный».

Подождал Тревис, но прелат в нем уже не нуждался, теперь он успокоился.

– Ты говоришь, что плавал на судах по морю, а случалось ли тебе летать в небе среди облаков?

– Но как, ваша светлость?

Григ выглядел удивленным.

– Тогда я спрошу иначе. Приходилось ли тебе видеть в небе какие-то, ну... летающие корабли, колесницы. Одним словом, что-нибудь, кроме птиц?

В этот момент неожиданно ударил гром. Все, кто был на палубе, тотчас подняли головы и где-то высоко, там, где не летают птицы, увидели белое облачко, которое быстро увеличивалось.

Перестали кричать чайки, волны остановили свой бег, и даже ветер в парусах как-то поутих. Казалось, не стало никаких других звуков, кроме доносившегося сверху давящего воя, похожего на истошный рев тысячи труб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.